

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ**

**ГРАФИТ**

**№ 4**

Тольятти  
2013 год

---

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь  
Вячеслав Лобанов

Художник номера: Дмитрий Перегудов

**Все права принадлежат авторам.**

**В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.**

**Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.**

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: [graffitt.ru](http://graffitt.ru) и [sumin.moy.su](http://sumin.moy.su)

Март 2013 года, г.о. Тольятти.

Для связи: [sumin\\_sergei@list.ru](mailto:sumin_sergei@list.ru)



# СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ	
Сергей Брель.....	5
Константин Латыфич.....	12
Мария Кротова.....	15
Сергей Трунёв.....	19
ДВА РАССКАЗА	
Тимур Бикбулатов.....	25
АФОРИСТИКА	
Юрий Тубольцев.....	39
ЗОЛОТОЙ ЗАПАС	
АЙВЕНГО.....	47
КНИГА СТИХОВ	
Ладо Мирания.....	57
ПРОЗА	
Кира Малинина.....	63
Сергей Сумин.....	70
ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА	
Владимир Попович.....	76
Любовь Денисова.....	81
Илья Дацкевич.....	84
Саша Антип.....	88
Александр Коровкин.....	94
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ	
Софья Ролдугина.....	97
ЛИСТКИ	
Наталья Лыжина, Олег Августовский, Татьяна Федосеева, Ксения Давидюк.....	109
ОКРЕСТНОСТИ	
Татьяна Зоря.....	118
МЕМОРИА	
Валерий Андреев (1974-2013).....	122
МИР-ОТЕЧЕСТВО	
Владимир Веретников.....	123
АРХИВ	
Альманах “Волга” № 13, 1956 г.....	130
ПОСТСКРИПТУМ	
Дмитрий Воробьев.....	135
МИР-ЧУЖБИНА	
Алексей Аристов (переводы).....	139
КНИГА ЗА КНИГОЙ АВТОРЫ	

**Сергей Брель**

**Облака**

Отступление от правил –  
каждый ветра порыв.  
Облака это гравий  
неземных мостовых,

поезда без стоп-кранов,  
боевые стада  
белогрудых джейранов,  
страсти смесь и стыда.

Замечайте скорее  
все следы синевы!  
Облака не стареют  
в кабаках путевых.

Погляди в их прохладу –  
баловство? Благодать?  
Нет, застыньте, не надо  
из души исчезать!

Обнимая полмира,  
с Аннапурной в родстве  
вместе флейта и лира –  
где вполсилы рассвет

по окраинам шарит  
малокровной рукой...  
Вам ли печься о таре,  
разливаясь рекой

по лесам и равнинам?  
Бейте пеной в лицо,  
Тадж-Махала руины  
и дворцы мертвецов.

Не зову, не жалею,  
но лелею ваш бунт.  
Ваши конницы реют  
над улыбками будд.

Потолок не изведав  
золотой, неживой,  
вижу: Старшая Эдда  
проплыла надо мной,

вижу дым Илиады,  
Рамаяны кармин.  
Облака это ладан,  
разгоняющий сплин,

расцветают украдкой  
за балконным стеклом.  
Остальное в остатке,  
и, клянусь, поделом.

08.2012

\* \* \* \*

*Э.Крыловой*

Душа жива картофельным пюре,  
а от поэмы прозревает тело,  
июлю нет горячему предела,  
и гром суров, как праведный кюре.

Фигура Будды юного стройна –  
не то что бёдра братьев-баснописцев,  
и для чего сегодня торопиться,  
тогда как завтра – только тишина,

как посулил Шекспир (но до сих пор  
в любом театре дух его бормочет).  
Так хорошо! Ещё бы хоть глоточек  
росы кастальской. Остальное – вздор.

Москва? Шумна, грязна и век ворчит.  
В ней мало лада, с ней – не видно спасу,  
хотя, признаем: нам её проказы  
дороже шёлка, бархата, парчи.

Птенец Петра? - Хорош издалека,  
но зазевайся – глыбою накроет...  
Мы просто люди, вовсе не герои,  
не монументы в камне на века.

А потому – намажем маслом хлеб.  
Я с кофейком, ты – с вечной сигаретой.  
Здесь вдоволь солнца, воздуха и света!  
Наш легковесный трёп важнее треб

церковных. Сколько в мире к Богу троп –  
один Творец, наверное, и знает,  
но сторожит везде судьба дурная,  
и норовит не в топ загнать, а в гроб.

А мы упорно станем воспевать  
кошачьих лапок вкрадчивую поступь  
и говорить о сложном так же просто,  
как с облаками – серая Нева.

Душа жива, и ей ещё важны  
все наслажденья века шутовского.  
Но нам чужбина – где презрели Слово,  
Отчизна там, где радостнее сны.

*07.2012*

\* \* \* \*

Ночь одиночек и умалишённых  
касается измученного лба.  
Мужья желают радости, а жёны  
баюкают детей. Луны арба

неторопливо тащится по склону,  
скрипят колёса: камень и песок –  
наш бранный мир, но ночи для влюблённых  
и чудаков, чей помысел высок.

Закрой глаза: земли услышишь запах  
и в тишине струной сорвётся звук,  
как будто ты у будущего в лапах  
и вырвал миг у полчища разлук.

Когда в деревне, то сверчка узнаешь,  
а в отдалённом гуле городском  
одна лишь флейта чудится шальная  
и нитью проводов звенит родство

ночь вспыхнет лаем, выстрелом, слезами,  
и быстротечность светлую затмит –  
для простоты удушливой экзамен,  
для совести нечистой динамит.

Скребётся мышью в подполе, когтями  
кошачьими выхватывает мышь  
из уголка души. И вдруг протянет  
молочный полог звёзд над жестью крыш.

Когда б не ночь, и утро обмелеет,  
уродливой громадой день чадит;  
в её озерах пью – не захмелею,  
ночной ручей – бальзам моих седин.

Как в юности, где сон казался явью,  
легко кидая в дрожь в разгаре дня,  
и наслажденья плоти дерзко славил,  
а в пробужденье видел род вранья.

*07.2012*

## Рассветные стансы

### I

Каким туманом мир заволокло!  
Собачий лай да первый петушиный  
призыв летят над сонною лощиной,  
и холодом пронизано стекло.

### II

Во сне смешно покряхтывает гусь,  
а выводку утиному не спится;  
я не один – животные и птицы  
со мной вбирают бесконечность чувств.

### III

Так пастбищем душе – рассвета гроздь,  
чтоб разорвав гремучую завесу  
пылающего дня с его замесом,  
принять тепла младенческого горсть.

### IV

Парить – пока не грянули дела,  
единственное напрочь отодвинув;  
и вот уже ползёт из-за овина  
зари подслеповатая стрела.

### V

И негодует кочет всё сильнее –  
«Кукареку!» взрывает воздух серый  
(гнедая лошадь видит сон про сено,  
и сон телёнка тянется за ней).

### VI

Меж тем всё глубже дышит горизонт,  
в пруду зелёном отразилась банька,  
как будто утро – тьмы ночной изнанка,  
и между ними дружба и призор.

VII

А я учусь неспешно примечать,  
процеживая каждое движенье,  
и небеса во мне как отраженье,  
преображенья тайная печать.

VIII

Уже поверил: время далеко,  
хотя подвластно записи и мере;  
передо мной восход во всём пленэре,  
с Востока приходящий добряком.

IX

Когда руке остановить перо?  
Пора ль свести с письмом и зреньем счёты,  
чтоб поступиться бдением почётным  
и обратиться в спящее зеро?

X

Решайся сам. Накрапывает дождь,  
и горизонт, сиреневый с испода,  
уже забыл о прелестях восхода,  
а ты, поэт, ещё чего-то ждёшь.

XI

Разрезал свод полёт сверхзвуковой,  
сипит шоссе за соснами. В разгаре  
хоралы птичьи. Солнце в алом сари –  
хозяин полновластный. Кончен бой.

XII

Всех вер и войн надёжный волнорез –  
угасла ночь, простёрлась бездыханно,  
одной звезды кровящаяся рана  
всему земному возвратила вес.

XIII

С ней парусами – высям расцвести  
и разгореться доблестному зуду  
к свершениям... Но я усну покуда,  
ведь остановка – тоже часть пути.

20.07.2012, д. Скрылья

\* \* \* \*

В монастыре, затерянном среди олив,  
монахини гостям приносят кофе крепкий,  
и, воду чистую в большой стакан налив,  
с ней подают лукума ломтик на салфетке.

Листаю книгу на английском языке,  
где фото чёрно-белые, и покупаю  
в церковной лавке крестик, он в моей руке  
играет красками. Здесь суета любая

утихнет. Жаль, обратно надо ехать в зной  
на чуть живом велосипеде из проката.  
Но сладко дышится под греческой сосной,  
смолой и шишками по-южному богатой.

А на вечерю звуки била соберут  
в католикон сестёр. И ладан заструится,  
и труд общения другой заменит труд:  
ладони сложатся, опустятся ресницы.

И медлю всё уйти, но запирают сад,  
где апельсинов тяжесть ярко-золотая.  
Когда ещё меня так дивно угостят  
и темнота в душе привычная растает?

На повороте трактор глухо тарахтит.  
Дорогу уступлю и обернусь к тем далям,  
туда где, кажется, парит Архистратиг  
и раздаёт лукум, и крепкий кофе варит.

3.08.2012, Gerakini

## Константин Латыфич

### Из таблиц Междуречья

#### Таблица XI

*...отпускай хлеб свой по водам. (Еккл. 11, 2)*

Человек не судит о пыли, которая падает на сандалии и рад, что они в песке горячем – в полдень, и холодном - в полночь, и поэтому он на плач Гекубы в далёкой стране, откликается как на близкий, и, рассеивая его в своей тоске от пустыни перед глазами и пустыни в памяти, уже не в плоскости, но в кубе, чьи грани подвижны и недостигаемы, видит, что к шедшей косяками треске во всех океанах стремятся акулы. И соль мешается с кровью на каждом зубе.

Там аппарат, потерянный телескопами, сигнал подаёт и ответа уже не ждёт на весть о планетах, синих и ледяных, на весть о калёных планетах красных. О метановых грозах и серных ливнях, о том, как древовидная молния шьёт коричневые облака. И каждый удар, совмещаем с мыслью о шаге властных царей по террасам садов, под которыми колесо вращают рабы, и воду льёт из кожаных вёдер на принесённую землю - Смотритель, и цветение разных

кустарников и деревьев рассыпается белыми купами в чистый ультрамарин. Их ветви стремятся вверх над каждым ярусом, над прямоугольным камнем. Они полнят пейзаж изгибами, стирая в нём смерть, как снимает жар аспирин. Так два слова: «прости меня» - утоляют боль, что размотана укором давним в мышце сердечной - волокнами. И сразу не кислым становится мандарин во рту, но сладким на вкус. И с гулким, размеренным боем тимпана ранним:

человек про себя произносит: «Там где, в туннелях не распадаются костяки, рядом глиняные птицы взлетают с ладоней, и, хлопая в такт крыльями, цели не ведают. Им всё равно каким будет берег, и какие маслины выросли у реки. Для них небеса – ковчег, а облака изменяют ритмы для медленной ритурнели\* теней от них: на снегах Джомолунгмы, на травы саванн и степей, и богиня Ки\*\* их не притянет к себе». С чёткостью метронома и лёгкой точностью акварели

## ПОЭЗИЯ

---

они разгоняют темп кружения дервишей в танце и, в такт с ним, всех стрекоз над оградами палисадников, мошек над керосинками и кисточек над оригами И в хороводах столбы переходят в вожжи. И шорох метели с запахом тубероз \*\*\* отливаются в слоги, которые, будто сено с пастбищ, удерживаются стогами протуберанцев солнц, опаляющих Волопаса, что догоняет под самое утро Воз\*\*\*\* и продолжают пульсом артерий: то ровно, то с аритмией, и своими шагами

тогда, каждый, кто пробует идти, измеряет судьбу как переменную величину заключённую в квадрат кабинета, борозду на пашне, колею на ледовом круге спидвея, до остановки, где, как в цезуре, возможно до конца любую свою вину признать. Там опознают себя, касанием лба о лоб, засыпающие друг на друге. И «Voing» перед посадкой выпускает шасси, субмарина на заданную глубину уходит, дважды два равняется четырём, и боевому всаднику форма подпруги

и седла для лошади ясна, как астроному понятен час взрыва сверхновой, краб туманности от неё, и взлёт бабочки над абрикосами для рисующего иероглиф на рисовой бумаге, там причина для до диеза «Лунной» сонаты, и там баобаба вставшему под ветви его, исполняет желанья, там по древесной коре апокриф и по камням погоду вслух читают волхвы; толкователь - шут, ясновидец- раб - цари над царями; железные столпы не заржавеют; силой льва и орла Гриф\*\*\*\*

хранит тех, кто на стадионе ждёт гола, меняет деньги на деньги, и в аэропорт на такси спешит, множит себя «В Контакте» и «Одноклассниках», и, забывая новые номера в iPhone, надеется помнить о них, выходя и на теннисный корт. Тех, кто карту в «Сра-центр» заказывает за три месяца, и, про себя повторяя названия из каталога туриста, старается не перепутать их, чтоб фьорд и форт остались фьордом и фортом, кто горд новым выбором Руководителей, кивая

на их последние рейтинги; всех, кто на параде военном, в сплошном строю сводит каблуки единым щелчком, и кто на демонстрациях своим протестом доволен, кто нефтяную скважину бурит среди барханов, кто на самом краю Северной земли в заснеженной тьме зажигает фонарь, и кто доволен местом на садовой скамейке у бани, с журналом кроссвордов, в близком своем раю. И всех, кто, ступая на тени набухших почек берёз и лип, спасается крестным

ходом. Там, вера во всё то, что есть, заводит пульсары, и, ускоряя их оборот, сжимает до ядер текучих, чтоб с каждым выдохом все они жгли повсеместно пустоты, где ноль по Кельвину, чтобы словом живым наполнилось горло и рот вслух мог говорить без страха быть неслышанным, и, с хмелем или пресно приготовленный, этот хлеб легко отпускался по водам, когда лодки - в порт от плотин плывут по Евфрату и Тигру, и когда баржам с кораблями не тесно

на Волге и Днепре, и к тем прибывался течением тихим и течением быстрым, кто ищет его, путая скрижали с конечными правилами не им придуманных игр, кто боится стать нищим и поэтому мечтает побыть банкиром или министром; кто плутает по супермаркетам, где январские распродажи, словно слезу и сыр, с будущим счастьем пытается совместить, и для того по большим канистрам разливает вино; и кто от грусти захлопнул зонт, и в плаще, протёртом до дыр,

под августовским ливнем хочет промокнуть. Для них тот, чей зёв окреп, в дар единым глаголом: «быть» - удаляет возможный пробел, не оставляя для: «либо» мест, и в этом глаголе не всё кончается, не остывает до льдов, и лесной пожар не настигает в нём никого, и поезда с полустанков отходят в тайгу Транссиба. И кто повторяет его, тот полую сферу сам обращает в цельный и плотный шар. И услышит тогда везде: «Это будет так», и в ответ напишет всегда: «Спасибо».

13.01.2013 г.

\*Ритурнель - в танцевальной музыке — вступительный и заключительный инструментальный отрывок в танце. Часто звучит рефреном.

\*\*Ки - в шумеро-аккадской мифологии — богиня земли, богиня-мать, супруга бога Энки.

\*\*\* Столбы - первая фигура хоровода. Действо, которое символизирует продолжение рода. Вожжи - вторая фигура хоровода, когда его участники движутся змейкой с постепенно уменьшающейся амплитудой.

\*\*\*\* Созвездие Волопаса заходит в северном полушарии вслед за созвездием Большой Медведицы (Возом) под утро. Тому есть и литературное свидетельство: «Вслед за Возами идет Волопас, заходящий под утро». (Арат Солийский, «Небесные явления».)

\*\*\*\*\* Гриф – одно из названий Грифона, состоящего из небесной(орёл) и земной(лев) существей. Эти существа в мифологии Месопотамии определялись как носители божества, впоследствии – херувимы.

**Мария Кротова**

**Как умирают голуби**

1

Залихватские дожди  
поминальной водки  
расшатайте себе свадьбу  
я приду пофоткать  
плач девичий предзастольный  
выкатите в сани  
а мои конспекты - в книгу  
жизнеописаний  
поженитесь поживитесь  
голубиным пухом  
им сегодня новых крошек  
испечет стряпуха

2

Подзаяпаны плечи  
и немного - воротничок.  
Ты одобрен, отмечен,-  
наливай себе коньячок.  
Пролетающей птицы  
белый плед, пучеглазый плащ  
открывает ключицы  
крыш,  
качельных деревьев - тебе ли бояться.  
Птица - фрица, города не продлятся,  
подойдут тебе для гнезда  
лишь протяжные поезда.

3

За городом бы жить  
летать бы над рекой  
сложить бы этажи  
в рюкзак одной рукой  
одной ногой на том  
другой ногой потом

простыть и умереть  
под тоненьким зонтом

4

Хватило бы тепла  
для первовзлётных стай,  
хватило бы павлинов и бельевых веревок...  
ты - облако, ты - зимний горноста́й,  
как белый бинт, завился между веток,  
смахнул замёрзший дождь  
на серое крыло  
и вытер хвостиком слезу  
у пьяного рассвета...  
Не вскрикнет постовой,  
когда ты подойдёшь,  
и не поймут внизу,  
с чего вдруг так тепло  
и для чего  
ты слишком много пьёшь.

5

ни крылом не махнуть  
ни вздохнуть  
ни по облаку плыть перепонками  
и не капать звёздами звонкими  
на твою небывалую грудь

не стелиться туманом вдоль пристани  
загребая пером глубину  
и страниц твоих не перелистывать...  
ни то, ни сё --- чем заняться теперь --- не пойму

то ли стаей пролиться над площадью  
то ли просто сидеть в проводах  
и взростеть и быть более тощею  
как вода

## И еще несколько

\*\*\*

Всё тянется-тянется небо на вечер -  
всё небо, собрав чемоданы листвы,  
в ту сторону, где твои губы и плечи,  
в ту сторону, где моё сердце и печень -  
туда, где всё время я без головы.  
В ту сторону, в братскую грудь Уралмаша,  
где звезды уже застилают постель,  
где каждая ямка в асфальте, как чаша,  
и в каждой бурлит ядовитый коктейль.  
Там саблей блестит паровоз каравана  
и капля облизывает остриё...  
А, если Тиане действительно странно,  
ликёр из банана поправит её.

\*\*\*

три провода как три ночи -  
три ночи как три фаланги -  
три дома - три феньки -  
полдень-  
ступеньки -  
и ни одной рабочей  
станции в Лабытнанги,  
где-то у чёрта в жопе,  
в белых равнинах - седые сказы:  
первый - о черноокой,  
второй - о Пенелопе,  
третий - скорей для отмаза,  
как мулине по локоть,  
третий - стандартная фраза:  
ведём работы...  
в белых равнинах - белые анекдоты.

\*\*\*

Стреляли ночью за горой,  
 Не убивали – так, война...  
 Я думаю порой,  
 Не так ли это важно?  
 Мой фюрер маленький, бумажный,  
 И рация едва видна.  
 Стреляли пульками из глаз,  
 и небо плыло в этот раз  
 не, как лицо, а, как ледник...  
 мой фюрер маленький поник:  
 он не солдат – его вина –  
 его война

\*\*\*

я только выгляжу просторно  
 из полупьяного окна,  
 я так прозрачна, будто в порно,  
 из неземного волокна.  
 по небу над твоим Берлином  
 ходили тракторы весь вечер,  
 а ты стоял в брезенте длинном –  
 бесчеловечен...  
 ты был пространственно обласкан,  
 по-человечески распят,  
 без чуткой свастики на каске,  
 почти – солдат.  
 и вот, я выглядела глазом  
 на пожелтевший водоём,  
 не понимая раз за разом,  
 к чему мы всё это поём...

**Сергей Трунёв**

\* \* \*

судьба отмеряет и режет  
и небо зовет: летим  
а ты еще слишком нежен  
еще не окреп хитин

и мышцы, что под хитином  
пока что не хороши  
и выглядишь ты кретином  
в исподнем твоей души

поди ж, объясни на пальцах  
как делают пацаны  
что это нехватка кальция  
и нервы обнажены

что ты похож на пружину  
тисками тревоги сжат...  
все сбудется, будем живы  
недолго осталось ждать

\* \* \*

ключи без замков и замки без ключей  
удушливый сумрак бессонных ночей  
на почве эротик и мистик  
танины, бухло, витамины, бухло  
коснулся подушки – уже рассвело  
и некому харю начистить

такое несносное лето, сынок  
одно не по силам, другое не впрок  
а третье что мертвому грелка  
отцветших гераней увяла краса  
кукушка подохла в настенных часах  
и слиплись от времени стрелки

от всенощных бдений и денных забот  
 вставай, поднимайся, рабочий народ  
 изведай удачи спесивой...  
 но божья десница сжимается в шиш  
 и чудится, будто сквозь рощу бежишь  
 и хлещутся розгами ивы

\* \* \*

все лето провел на даче  
 у волги на берегу  
 ты хочешь как-то иначе  
 иначе я не смогу

в египте я сразу скрючусь  
 закисну на острове крит  
 тебя мой кадык колючий  
 из гроба будет корить

а здесь и покой, и воля  
 нетрезв и приветлив люд  
 никто не кричит «доколе»  
 а сходу хлебало бьют

я в этой отраде гиблой  
 не нажил себе забот  
 питаюсь хлебами да рыбой  
 лишь святость пока не прет

постой, накурившись «примы»  
 неделю я мог смеясь  
 язык толковать звериный  
 и рыбьего плеска вязь

ничо, что порой рыгаю  
 и что сморкаюсь в рукав  
 оставь меня, дорогая  
 не мучайся, жизнь легка

\* \* \*

мышьими лапками дождик  
по рубероиду мечется  
у сына из носа вожжи  
лечит до бесконечности

перебираю лески  
блесны кладу в футлярчики  
мне на рыбалку не с кем  
нету со мной мальчика

вырубил нахрен ящик  
мыслей в мозгу россыпи  
думал о настоящем  
в жгут закрутил простыни

вроде бы все чинно  
а хоть иди, вешайся  
следствия и причины  
точно следы лешего

за островов песками  
стрежень кипит окунем  
чаек пасутся стаи  
только во мне прока нет

рано вскрывать вены  
может оно сладится  
я не старик хэмов  
поберегу задницу

\* \* \*

просыпаешься как бы рядом  
если точно, то где-то возле  
поясницу немного ломит  
с головой, вроде, все в порядке

вот и нет уже тех хороших  
 есть другие к чему другие  
 не меняются только вкусы  
 только вкусы давно забыты

понимаешь, что все свершилось  
 инженером, врачом, таксистом  
 те, что рядом уже не могут  
 те, кто «там», не дают бесплатно

остаешься в кругу таких же  
 о правительстве, спорте, детях  
 к сорока замаячил финиш  
 в пору семя лущить на лавке

\* \* \*

иных уж нет, а кто зашился  
 и память отравляет сон  
 когда бы меньше гоношился  
 ходил с возвышенным лицом

на грядках матерееет щавель  
 и описать не хватит слов  
 как пубертатная прыщавость  
 коробит лица огурцов

с глазами оловянных кружек  
 у волги матушки реки  
 гуляют на сносях подружек  
 бухие в стельку сопляки

проплыл бы мимо, но заметил  
 балберку подцепив веслом  
 ах, тятя, тятя, в наши сети  
 опять кого-то принесло

толкнул, и ниже по течению  
ушли, не глядя на кампас  
событий хрупкие сплетенья  
кувшинки лиц и мусор фраз

еще не поздно возвратиться  
но тень становится длинней  
собрать бы фауну в таблицу  
как завещал старик линней

\* \* \*

умирая, помни: это не навсегда  
будет новый круг и новая точка сборки  
это как наутро свежая борода  
или как в предзимье на лыжи сменить опорки

воскресая к жизни, помни: она ушла  
далеко от места, где ты ее покинул  
оттого по жизни обманутым нет числа  
что окружность впрямь из прямых, но коротких линий



### Тимур Бикбулатов

#### Кондуктор

На морозе зажигалка упрямится и, выкидывая одинокие искорки, бесит закованного Трека. Январь – время скрюченных пальцев. Глаз примерзает к прицелу. Лед фиолетовых губ. Нелепо, как желтые мимозы Маргариты. В таком воздухе жизнь переходит на фальцет. В этом городе нет необходимости, но в другом нет потребности. Нога скользит, пальцы скребут пластик, поиск опоры – и таксофонная карточка ломается пополам, как в юности бритва, – «мойка» готова. Вторая половина намертво застрекает в щели и готова на все сто телефонных единиц. Шесть пронумерованных кнопок – и сонный Сашка, матерясь жестами, объясняет чахоточным кашлем, как попасть в его элитную «трешку», построенную на заболоченном пустыре с мечтой о перспективах.

Трек приехал в город по привычке. Здесь он когда-то был. До войны, которая располовинила его по ломаной диагонали и выбросила на пол, как два малосовместимых паззла. Так забавляются с телами «растяжки» – собирать бесполезно, как в рекламных лотереях – выигрыш уже получен. Все осталось таким же, но – разучился жалеть. Для всех – найденыш, подкидыш – Трек не хотел открывать свою калитку никому – устал уже от предательств, надоело стрелять. Желание жить не мешая – единственное, которого действительно хотелось. Хорошо, таксист молчит. Гирлянды габаритов трассируют, рука машинально сжимает «макаров» – в этих титрах его фамилии не будет. Санек почти не изменился, но по-прежнему неузнаваем. Теперь директор фирмы. Двести граммов с накату. Хороший коньяк – шоколад не пригодился. Иди ко мне в охрану, через месяц будет место, возьми пока деньги. Вот адрес общаги – они в курсе. Еще два по двести, деньги оставил в туалете на бачке. Тот же таксист. В общаге небольшая комната, лучше, чем ожидал. Спать не раздеваясь до следующей тревоги.

Утренний день. Разведочная прогулка – ждуть месяц не в правилах. «Требуются кондуктора для работы в общественном транспорте...» – зарплата по барабану, доставка транспортом предприятия, телефоны присутствуют. Я согласен, они рады – кому еще есть дело? Трека распирало от собственной ненужности – и какой дурак говорил, что это смерть для мыслящего человека? Иногда ненужность необходима, чтобы определиться с самим собой и почувствовать тяжесть свободы. Нужно немного разового женского тепла – и завтра на работу. Опять тот же таксист на стоянке, девочка готова за полчаса. В первый раз не раздражает скрип кровати и ее симуляции.

Все молча, быстро, но и в стандартности есть некие удобства. Меньше разговоров – больше сна. Рожденные немymi должны быть королями времени. Сразу не заснул – думал почти три с половиной сигареты. Снилось война, была война – она не может сниться. И не может... Она ничего не может, самой от этого плохо – вот она и мстит всем подряд, не разбирая степень невинности. Любое извращение может приносить удовольствие. Но не война. Трек ненавидел похороны. Два года похорон – два года тошноты, два года ненависти.

Утренний инструктаж – смешной значок на грудь и нелепая сумка с болтающимся рулоном билетов. Все билеты – в один конец. Водила нелепо улыбнулся – ожидал пенсионную жабу, вожделеющую скандалов. Такие по психологии – закаленные бойцы коммунальных войн. Трек осмотрел салон – не с кем воевать. Война за чирик... Хотя остальные воюют за ноль, и в нашем говенном мире – это норма. «Пожалуйста, предъявите проездные документы» – монотонно, дежурно, а в голове почему-то «бисмани ляхи рахмани рахим». Почти нет радости (любопытствующие и заигрывающие улыбки – не в счет). Радость не может повиснуть в воздухе – она тяжелее его (а вот тоска висит надолго). В болтающейся железяке познаются законы человеческой физики. Трек протискивался сквозь сгустки мата и агрессии, успокаивая камуфляжем, габаритами и волчьим взглядом. Заканчиваем в шесть – отчет и домой. Сейчас пять. Пьяный подросток посылает подальше. Хлоп! – в голове перещелкивается какой-то тумблер – руки привычно тянутся к «макарычу». Он вчера убедил себя не брать на работу оружие. Вроде поступил правильно. Два удара в подбородок – «заяц» покорно выходит на остановке. К вечеру народ наглет. Отчитался нормально, остались лишние деньги. Через двор к остановке – здравствуйте! – пьяный «заяц» и компания не менее пьяных подростков. Хотят что-то спросить, но Трек отвык разговаривать. Руки в крови, куртка разрезана – зато можно спокойно пройти к остановке, не обращая внимания на истеричные обещания и прогнозы на свое безнадежное будущее. Стоянка, таксист, та же девчонка – может оставить? – не лишать себя свободы ради жалости!

Утро чуть-чуть другое – нахлынула хорошо знакомая упёртость. «Макарыч» переселяется в карман. Надежный, наградной, родной. Тот же маршрут до конторы и обратно. Водила искренне рад (так спокойней). По сигарете – и опять: с утра рабочие, студенты и пенсия (можно и поспать). Симпатичная девчонка очаровательно врет, что забыла проездной – верю, дорогая. Два школьника передают друг другу заламинированный льготник – не вижу, я ведь снайпер. К вечеру накатывает усталость. У стадиона вваливаются фанаты – опять проигрыш. За два дня посылают во второй раз – что у нас за страна такая: каждый жаждет указать дорогу к счастью?

## ДВА РАССКАЗА

Бить не буду. Тумблер переключился почти мгновенно. Трек кивает водителю и выходит за самым активным из ублюдков. Спокойно между домов привычным крадом. У двери подъезда удар в бок, легкое давление пальца на курок (самодельный глушитель не подвел). Родители будут долго плакать над своей ошибкой, которую никогда не поймут. Вечером с девочкой уже разговаривал – на душе было легче. Маринка учится в техникуме. Работает просто так. Скучно. Просится покататься вместе. Нет. Можно остаться? Нет. Но слез не было. Привязываться нельзя.

Два дня прошуршали спокойно. Куда-то исчезла Маринка. Заболел водила. Сменщик – лох, да еще и с гнильцой. На третий день – все пришло в норму. Мент в гражданке. Документов нет. Обозвал сволочью. Прогулялся за ним по свежему воздуху – оставил остывать между мусорными бачками. Водила по возвращении одобрительно кивнул. Маринка ждала у общаги. Всю ночь был на высоте – все-таки встряска заряжает. «Зайцы» грубят – я им не дед Мазай. После третьего в городе начался шумок – Маринка три раза сказала «маньяк», ничего не подозревая. Я прав – и нечего заниматься самокопанием. На маршруте появились в штатском (их не видит только слепой). Четвертого чуть не прихлопнул прямо на сидении – люди, где же ваше человечье? Не надо оскорблять мою маму – я сам ее не помню. Осел на сугроб сразу. Водила молчит. Трек здесь уже три недели, Маринка поселилась в общаге. С пятым – нелепо и правильно.

Последний круг. Садится. Трезвый. Стеклянные глаза. Проездной показывает сразу. Рядом девушка – лет семнадцать, симпатичная. Пытается обнять. Молча сопротивляется. Все смотрят в окно. Лезет к ней под шубу (сам бы сейчас залез) – она переходит на полукрик. Трек оценивает аудиторию. Семейная пара лет сорока (нервно щебечут). Студент (безразлично роется в сумке). Два курсанта (с интересом). Рабочий интеллигент (тупо в окне). Толпа школьников (класс шестой – испуганно сосут мороженое). И кондуктор. Девушка истерично визжит. Два удара по лицу – молчание. Общее молчание. Немой страх. Трек снимает сумку. Выдирает с корнем из троллейбуса машущего ручонками подонка и волочет его по грязному снегу подальше от близоруких фонарей. За заколоченным ларьком первый выстрел в пах, второй – контрольный. Троллейбус ждет. С одного пинка – обоих курсантов за борт. Конечная. «Поосторожнее, братишка!», – водила коротко жмет руку и пристально смотрит в глаза. Трек больше не вернется – прошел ровно месяц.

Вечером у Сашки опять коньяк. Завтра получишь расчет и сразу заступай у меня. Объект хороший. Хватит накачивать нервы и болезни. Можешь остаться. Ладно, давай посошок. Маринка читает Достоевского. «Злочин и кара» – никогда не смогу серьезно относиться к украинскому. Дурак Раскольников со своими «пробами».

Не помню, чем там все закончилось. Покаялся, но не раскаялся. Не хочется разбираться – свой вечный «тройк» по литературе есть. Терзал Маринку всю ночь – организм как часы. Она в первый раз сказала «спасибо». Трек не ответил.

С утра в контору – небольшая кучка денег. Впереди – новая работа. Купить Маринке хорошего вина. Тот же самый троллейбус. За рулем лох-сменщик, кондуктор – молодой парень в камуфляжной куртке. Грубо: «Проездной!». «Да пошел ты...» - и нервно прыжок на остановку. Здесь недалеко дворами – нужный объект. Взгляд через плечо – троллейбус отчаливает. Кондуктор мельтешит в районе мини-рынка. Точно не за сигаретами. Два поворота – скрип за спиной.

...бежать от себя, на себя, под себя? Никому не разрешено думать так же. Одиночность жизни, неповторимость – обмануть бога. Тело научено, душа сопротивляется. Каждая мимо брошенная копейка вернется и выест дотла. Дома. В каждой конуре – людишки. Копошатся, надеются жить и – счастливы вопреки. Тебе-то что надо? Будь всеми и забудь «скучно», «неинтересно». Тоска – спутник свободы. Будешь бежать – никуда не успеешь. Бог криворук – загребают что дается, нам и терпеть смешно. Маринка любит ходить по дому голой. Сейчас, наверное...

Трек нащупал «макаров» и положил палец на курок. Февраль – время осечек. Кастрированный воздух. Скерцо «берцев» (полгода в «музыкалке» под плач мамы). Взгляд назад. Рука вверх. Поворот за угол. Орел-решка. «Он абсолютно прав». Ствол на уровне виска. Небольшое движение пальцем – и сквозь плавающие огоньки – камуфляжная куртка, исчезающая за дверью подъезда. Он там живет. Сейчас – обеденный перерыв. Я обычно бегал в «Макдональдс». Нелепо, как желтые мимозы Маргариты...

### Таксидермист

«...каждый, в чьих глазах я видел свет ума,  
а на лице – тень душевных страданий,  
по сути своей – убийца. Невинны только дураки».

Орхан Памук

«... как зверь чует чучело человека».

Тим Александр Кельт

«Да, гены пальцем не придавишь...», - Чезаре нервно ходил по своему кабинету, разгоняя руками запах табака, падали и нафталина.

## ДВА РАССКАЗА

Скоро почти двадцать лет, как он, прервав все отношения с родственниками и сменив имя, обосновался в этом маленьком колумбийском городишке. Борис Баумкёттер, восходящее светило патологоанатомии и танатологии, внезапно исчез из Европы, и недалеко от Боготы возник Чезаре Бурже, скромный таксидермист, дослужившийся до поста директора Зоологического музея. Ему давно было не до живых, детская страсть к мёртвому тяготела над ним – Чезаре признавал только мёртвое тело и мёртвое слово. Двадцать лет жизни по маршруту «музей – морг – библиотека» ни на секунду не прерывались не сопряжёнными с необходимостью живым общением или контактом. Единственным человеком, с которым дружил inferнальный директор (настолько, насколько он вообще был способен на дружбу), был тщедушный старичок – секретарь музея Антон Кайндл. После закрытия музея ровно в шесть (Чезаре был болезненно пунктуален) они засиживались в кабинете, споря по-немецки и по-мельничному жестикулируя. Но недавно Кайндл умер...

Чезаре нервно поглядывал в окно. Часов у него никогда не было, но он не ошибался ни на минуту. Тот, кого он ждал, должен появиться вот-вот... «Как странно совпали эти события...» - пальцы выхватили из портсигара вторую сигарету.

В тот вечер Чезаре только вернулся с похорон Кайндла и сидел в кабинете, бессмысленно листая старые прошитые кожаные тетради, составленные на столе в три ровные стопки: коричневую, белую и желтую. Человек, представившийся Бледой, позвонил ровно в шесть и попросил о срочной встрече. Хотелось обрезать этот звонок, и рука уже привычно потянулась за скальпелем, но...

Это было второго мая, ровно неделю назад. Значит, Антон умер тридцатого апреля (а родился двадцатого – семьдесят лет и десять дней).

...Но вызов был сделан /брошен/ именно по этому номеру, забытому даже городским телефонным справочником, именно ему и именно в тот день, когда сеньор Бурже решил...

Сейчас, закуривая третью сигарету, Чезаре отчетливо вспомнил ту десятиминутную встречу. Тогда как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать.

Звонивший оказался низкорослым, с широкой грудью и крупной головой старик, с редкой седой бородкой, с приплюснутым носом и отвратительным цветом кожи. Он сразу же бросился в атаку. Так отчаявшийся заяц пытается распороть брюхо настигшему его тигру.

«Мне ничего не нужно от Вас, - слова осторожно просачивались сквозь золотые зубы, - нужно только, чтобы вы выслушали меня, Борис...» - Чезаре невольно вздрогнул, услышав свое настоящее имя,

## ДВА РАССКАЗА

- «...я – Ваш отец, Бледа Баумкёттер, последний из нашего рода не отрехшийся от этой фамилии, хотя и сбежавший с Родины. Но мне недолго осталось нести позор за отца. Я уже всё решил...»

Чезаре прервал собеседника жестом руки и погрузился в воспоминания...

Ему пять лет. Нелепая смерть дяди, бегство отца, через неделю - случайно найденный в доме тайник. Готический шрифт «Jedem des Seine» на выдавшей виды патефонной коробке. Сомнамбуличность дальнейших действий: 10 метров до чулана за детской лопаткой, 10 минут увязания в грязи до дальнего угла сада, 2 недели гриппа, вытравившие этот день из памяти на долгие десять лет...

«А ведь это было девятого мая!» Тогда, глядя поверх Бледы, он не придал этому значения, но сегодня, когда прошло ровно сорок лет, он поразился веренице преследовавших его совпадений. Четвертая сигарета, а посетителя ещё нет...

«Аттилу убил я!» Чезаре даже не пошевелился – до него не сразу дошло, что речь идёт о Бледином брате-близнеце, его дяде, жившем с ними в одном доме и внезапно покончившем с собой (чёрт возьми, второго мая!!!). Бледа исчез в тот же день, что породило массу слухов: Бледа убил Аттилу и скрылся, Аттила убил Бледу и застрелился, и кучу других вариантов с перестановкой подлежащих и сказуемых. Интересно, кто сейчас перед ним? Неважно, тот, кто называет себя Бледой, расскажет всё. Чезаре больше любил дядю – тот играл с ним в разные игры и, самое главное, в отличие от отца, очень хорошо относился к маме...

«Он любил твою мать, и она любила его. - Бледа и не заметил, как перешёл с «Sie» на «du». - Я долго терпел это ради вас. Ты ведь ещё помнишь своего старшего брата?» - тут Бледа замолчал сам...

Ещё бы не помнить этого ублюдка Глеба! Чезаре ненавидел своего братишку – всё подлое, что может быть в человеке, весь рок их рода тот вобрал сполна: безумный цинизм дяди Гейнца, снимавшего с живых кожу под фривольные оперетки, взрывоопасность Бледы, которому застилали разум любое слово и любой поступок, направленный не по его траектории, философское наплевательство Аттилы, спокойно устранявшего с дороги любое препятствие любыми доступными и недоступными способами. И даже аналитическую мизантропию самого Чезаре Глеб смог уловить и добавить к своей коллекции...

«Картограмма человека существует, и я приближаюсь к её расшифровке. Мне не хватает всего пары параметров. И если я не успею, успеешь ты – точный поведенческий диагноз возможен. Формула переложения статических моделей в динамические у меня уже есть.

## ДВА РАССКАЗА

Мы можем расшифровать любого человека и определить его заряд и вектор.

Удалив в пубертатном периоде процентов десять потенциальных девиантов, нам удастся оттащить человечество от пропасти. Зло побеждается рациональным злом – иных путей нет», - Кайндл часто говорил об этом - все его записи в коричневых тетрадках. Читать или не читать - в этом Цезаре не сомневался...

Посетитель опаздывал уже на полчаса – в любом другом случае Бурже уже давно бы погасил свет и, не попрощавшись со стражником (вежливость была не из его привычек), пробирался бы в свою конуру на соседней улице. Но впервые он ждал. Зажглась пятая сигарета...

Борис практически не общался с братом. Тот быстро бросил школу и связался с какими-то уличными бродягами, появляясь дома очень редко: переодеться или выклянчить у матери немного денег. Жили они вполне обеспеченно – дед оставил после себя в банке солидный счёт, а мать разумно распоряжалась средствами. Близкие к семье люди говорили, что состояние деда «в золотых коронках» было намного больше, но куда он дел это золото, не знал никто. Глеб проклинал за это «чёртового Гейнца» и однажды в бессильной злобе разбил и растоптал его портрет. Мать долго плакала, вспоминая тестя, Бледа и Аттилу. «Если бы кто-нибудь из них был жив, Глеб не вырос бы таким...» Как бы с ней поспорил покойный Кайндл. Катерина была терпелива, как все русские женщины, но, как истинная фрау, никогда бы не смогла ни с обрыва, ни на улицу с детьми. Катерина давно стала Катариной...

«Я терпел это долго, пока нужные факты не оказались в моих руках. Ты не мой сын, ты сын Аттилы; старый Гейзерих, давний друг отца, сделал все нужные анализы. Ты помнишь, я водил вас сдавать кровь якобы из-за эпидемии желтухи?<sup>1</sup> – Бледа замолчал, потом заговорил медленнее, как будто сказанное давалось ему через силу. - Ну почему лучший из моих сыновей – не мой сын?! Я долго мучился, терзался, пока не решился. В тот вечер мы встретились с Аттилой на мосту. Я хотел взять с него клятву, что об этом он будет молчать. Исчезнуть я решил давно, независимо от разговора, но жаждал, чтобы вы, особенно ты, считали своим отцом меня. Я умолял брата, но он только цинично улыбался. И тогда, когда он стеклянным голосом произнёс: «Jedem des Seine, Бледа. Живи и не трепыхайся" и собрался уйти, - я внезапно ударил его.

---

<sup>1</sup> По легендам, учёные-генетики немецких концлагерей вплотную подобрались к тайне генома человека и могли проводить не только достоверную экспертизу ДНК, но и успешные пересадки органов, и эксперименты с криогенными технологиями. Некоторые были уничтожены перед Нюрнбергом практичными немцами, некоторые – советскими «варварами-освободителями»\*\* (\*\*выражение А. Кайндла) - примеч. автора.

Он неловко завалился на поручни, а я, уже ничего не соображая, схватил его за ноги и скинул в реку. Один удар головой о деревянную опору старого моста – и твой биологический родитель в шортах и футболке отправился к праотцам. Я хотел только проучить его – ведь он был прекрасный пловец. Но – “Jedem des Seine”»...

Борис рос спокойным ребёнком. С детства его больше интересовала природа. Но не то, чтобы он был очарован живой трепещущей красотой – наоборот, его влекла красота мёртвая. Лет с шести он начал собирать гербарий и делал его с такой тщательностью, что учитель ботаники передал травяной некрополь в местный музей. Он же и познакомил мальчика с тамошним таксидермистом. Начав с заформалиненных рыб, будущий директор Зоологического музея вскоре самостоятельно изготавливал чучела птиц и успешно продавал их на рынке. Терпеливый, вдумчивый, упрямый, он почти не контактировал со своими сверстниками: мама, учитель и старый чучельник – вот был весь круг его общения. Вскоре великолепное чучело кабана красовалось в кабинете мэра города, редкого окраса жеребёнок отправлен в столицу... А в пятнадцать лет, день в день, Борис Баумкёттер взял лопату и отправился в дальний угол двора...

Резко зазвонил телефон. «Бурже...». «Слушай, братан, два часа блуждаю по вашей вонючей дыре – и ни одного такси. Короче, жди». Этот человек передал с утра записку, что у него есть вести от матери – и тут сердце Чезаре вздрогнуло. Он уже забыл, как любил мать. Предпоследняя сигарета воткнулась в перетрескавшийся череп...

Вспомнив про мать, Чезаре невольно вспомнил и Глеба – тому от природы досталась материнская красота. Однажды за Глебом пришли трое в форме – Борис на суде не был, но Катарина грустно смотрела на сына и бормотала только: «Три года, три года». Возвратившись, брат совсем перестал бывать дома – три раза возвращался в тюрьму, два раза женился. Когда Борис покидал Европу, тот опять сидел за какое-то грязное дело, связанное с убийством. Что ж, “jedem des Seine”...

«В мире – критическая масса агрессии. И большую её часть генерируют подростки. Школа, семья, общество, церковь, беря на себя функции резистора или выпрямителя, только замыкают цепь – пятнадцатилетнюю аккумуляцию обуздать невозможно. Агрессивен каждый первый, но только каждый десятый способен на кинетический выброс. Они не виноваты – в них другие схемы. И перепрошивка тщетна – ведь всё монтируется не человеком. Но сбой в схеме поддаётся диагностике. Найти ошибку и уничтожить её – дело техники, но только при условии утилизации всего прибора. Я готов к диагностике, но готов ли ты, мир, к своему спасению?» Антон Кайндл. «Антиспарта».

## ДВА РАССКАЗА

«Ты простишь меня за убийство отца?» - глаза Бледы были бесцветны и безразличны. Чезаре тоже было всё равно, кто кого родил и кто кого убил. Жизнь отняла у него только Кайндла, и его задача – проверить правильность хранящихся в коричневых тетрадах психоматематических параметров души и формул, определяющих рефлекс агрессии... Насколько гениальный, настолько же и тщетный труд великого мозга лежал сейчас перед ним в левой стопке. А посередине...

Не дождавшись ответа, немецкий турист Бледа Баумкёттер пешком отправился на вокзал и бросился под проходящий поезд. Тело забрал его сын, сеньор Чезаре Бурже и, как положено, похоронил его на окраинном католическом кладбище...

«Чёрта с два я его похоронил», - пепельница проглотила последнюю сигарету. Забрав тело юридического отца, он взял в музей два дня за свой счёт и заперся в квартире-лаборатории (всю техническую работу Чезаре всегда делал дома). Хорошо сохранившийся экземплярчик – только разбитый нос и несколько капелек крови на простыне...

Выкопав патефонную коробку, Борис кое-как вскрыл её. В ней небольшой стопочкой лежали аккуратно пронумерованные белые тетрадки – труд всей жизни Гейнца Баумкёттера, не уничтоженный даже под страхом Нюрнберга. Три года до окончания колледжа Борис буквально бредил записями деда, фотографиями, схемами, формулами. За первые два года учёбы на медицинском, студент Баумкёттер ворвался в тихий мир патологоанатомов. Его работы печатали в самых солидных журналах, ему разрешали работать в самых элитных клиниках. Казалось, он вообще не спал, что-то препарировав и смешивая в отдельной комнатке общежития в самом центре города, выезжая на места убийства и в морги в любое время суток – лишь бы не опоздать к свежему трупу... Но внезапно всё прекратилось – он был отчислен из университета и попал в «чёрные списки» по всей Европе...

На столе зажужжал зуммер. Ну наконец-то Чезаре дождался своего земляка. Он нажал кнопку автоматического открывания двери и, откашлявшись, произнёс: «Второй этаж, чёрная дверь». Через минуту в кабинет ввалился мужчина лет пятидесяти в коричневых брюках, белом свитере и жёлтом пиджаке. Он протянул покорёженную левую руку (правая вообще бессильно свисала вдоль тела) → максимально отрицательный заряд по шкале Кайндла. «Меня зовут Валентино...» - гость помолчал, а потом, достав сигарету, бросив пачку на стол и бесцеремонно вонзившись в кресло, начал тараторить. «Ваша матушка, Катарина Баумкёттер, умерла с год тому назад, не оставив никакого завещания», - Валентино перевёл взгляд на собеседника, ожидая его реакцию.

Ноль. «Папашка ваш так и не нашёлся, наверное, сгинул где-нибудь вслед за дядей», - он сидел нога на ногу, зажав бесфильтровый «Camel» в грязной клешне. «Сегодня или никогда», - мгновенно решил Чезаре в пользу первого. Хорошо, что он вспомнил про «папашку». Тогда Чезаре похоронил муляж, куклу, легко получив разрешение и на вскрытие, и на похороны в закрытом гробу. Настоящий, препарированный Бледа, вернее, его чучело находилось рядом, в потайной комнате. «Подождите минутку, мне необходимо выйти», - не дожидаясь ответа, Чезаре зашёл за огромную витрину с медведицей и нырнул в низкую дверцу. Бледа стоял в стеклянном параллелепипеде при свете одной небольшой лампочки. «Неплохой экземплярчик – дед бы гордился мной». Он быстро взял со стола бутылку «Наполеона» и опять шагнул в кабинет. «Не откажетесь?» - Чезаре не сомневался – напротив него сидел закоренелый алкоголик. Он наполнил целый стакан и пустил его вдоль длинного стола – клешня вцепилась, дёрнулся кадык. «Да, совсем забыл, вскрыли завещание вашего деда – подошёл срок. Вам достаётся половина его золотого клада, зарытого в углу двора. Но только там его не нашли. Зато нашли маленькую детскую лопатку...» - он многозначительно посмотрел на Чезаре и залпом опустошил стакан. Его глаза налились кровью, он достал пистолет. «Золото отдай!!!» Бурже с первых минут узнал Глеба, но сейчас он уже ничего не боялся. «Отдам, отдам, успокойся!» - убаюкивал он бешеного посетителя, наблюдая, как мутнеют и закрываются его глаза – «коньяк» начал действовать...

Бориса списали из университета втихую с простой формулировкой «за академическую неуспеваемость» (как перевёл доктор Гейзерих матери – «за кражу трупов из морга и опыты по чучелированию человека»). Дед хотя бы пять лет отработал спокойно. Именно поэтому белая стопка выше жёлтой...

«Человечество – самоуничтожающаяся субстанция. Всё равно десять процентов его уничтожаются теми, кто достоин уничтожения. Делайте всё наоборот и живите счастливо. Возведите трусость в закон – и вы обретёте норму. Я имею в виду рациональную трусость...» Антон Кайндл. «Антиспарта».

Валентино уже безмятежно спал и проснуться ему было не суждено – Чезаре Бурже уже промывал инструменты, заглядывая в коричневую тетрадку. «Чучело делается из живого материала – вот почему египтяне не смогли достойно сохранить своих тиранов, а русские держат своего на приборах»...

Значит, всё-таки эти блестящие кирпичики, которые он утопил в отхожем месте, были золотыми? Воистину, придётся поработать золотарём. «Jedem des Seine»...

## ДВА РАССКАЗА

Ранним утром из дверей Зоологического музея вышел человек арабской внешности с узелком за плечами (похоже на книги) и паспортом на имя иранского гражданина Мухаммеда Худайбенде. Борис Баумкёттер возвращался на родину за сокровищами Мунздука...

А в музее по обе стороны широкого и длинного директорского стола стояли два стеклянных аквариума с человеческими чучелами, одно из которых – с крестиком, нарисованным краской на маслянистом лбу, а другое может храниться вечно. На столе лежала деревянная табличка: «Баумкёттеры Баумкёттерам».

«Не бывает убийства во имя. Нам не нужно убийств. Откройте человеку его картограмму и он сам согласится на эвтаназию...». Антон Кайндл. «Антиспарта».

*Орхан Памук* – современный турецкий писатель, ставший лауреатом Нобелевской премии уже «после Доброва». Эпиграф взят из романа Памука «Меня зовут красный» - М., «Амфора», 2005; с. 22.

«... как зверь чует...» - в изданных стихотворениях Кельта эта строчка не найдена. Не помнит её и сам автор. Склероз Кельта или игра Доброва?

*Борис Баумкёттер* – Баумкёттер, Гейнц (1881 - 1946) главный врач концентрационного лагеря Заксенхаузен близ Потсдама. (Лагерь был создан в 1936 г. В лагере уничтожено свыше 100 тысяч узников. В апреле 1945 освобождён Советской Армией. С 1961 г. в Заксенхаузене - международный музей.) Баумкёттер ставил опыты над живыми людьми. На допросах согласился на 8 000 уничтоженных жизней.

*Чезаре Бурже* – явная аналогия с Цезарем Борджиа (ок. 1475 - 1507), жестоким правителем и братоубийцей.

*Кайндл, Антон* - комендант концентрационного лагеря Заксенхаузен. На допросах согласился на 42 тысячи уничтоженных жизней.

...коричневую, белую и желтую - цветовая аллюзия. М.б., как вариант: гунна Бледу (см. след. примечание) похоронили в трёх гробах – медном, серебряном и золотом.

## ДВА РАССКАЗА

*Человек, представившийся Бледой* – Бледа (? – 444 г.) – один из правителей гуннов, с целью единоличного захвата власти был убит своим братом Аттилой (? – 453), предводителем гуннов с 434. Аттила возглавлял опустошительные походы в Восточную Римскую империю (443, 447 - 448), Галлию (451), Северную Италию (452).

Добров намеренно инверсирует исторический сюжет: этот Бледа, по видимому, должен быть «положительной прослойкой» между патологически жестоким Гейнцем и циником Борисом.

*...а родился двадцатого* – 20 апреля 1889 г. - день рождения Адольфа Шикльгрубера.

*...как будто его кто-то взял за руку... - ...втягивать* - прямая цитата из «Преступления и наказания» Достоевского, ч. 1, гл. VI, см. напр., "Избранные сочинения. Том первый", М: "Рипол классик", 1997.

*Звонивший оказался низкорослым, с широкой грудью...* - точно таким описывали Аттилу современники. Если учесть, что по тексту он и Бледа – близнецы, то портрет дан исторически верно (за исключением золотых коронок).

*«Jedem des Seine»* - «Каждому – своё», надпись над воротами концлагеря Бухенвальд близ Веймара. Лагерь был создан в 1937 г. В Бухенвальде было уничтожено 56 тыс. заключённых. В 1945 г. освобождён армией США. В 1958 г. в Бухенвальде открыт мемориальный комплекс.

Почему «слоган» Бухенвальда оказался напечатан на вещах врача из Заксенхаузена – загадка. М.б., у саксонцев просто не было столь звучного и оптимистичного лозунга? Но, скорее всего, Гейнц Баумкёттер имел в виду совсем другое...

*с «Sie» на «du»* - с «Вы» на «ты» (нем.).

*этого ублюдка Глеба* – немного непонятная инверсия. Борис (христ. имя - Роман) (?-1015), князь ростовский, и Глеб (?-1015), князь муромский, сыновья князя Владимира I Красное Солнышко. Убиты сторонниками Святополка I. Невинно убиенные Борис и Глеб канонизированы Русской православной церковью. У Доброва они – хладнокровные убийцы. Определим это как «изнаночную аллюзию».

## ДВА РАССКАЗА

*Катерина... никогда бы не смогла ни с обрыва, ни на улице с детьми* – наверное, излишнее примечание – имеются в виду, конечно, Катерина Кабанова и Катерина Мармеладова. О Катерине Измайловой Добров, похоже, умышленно не упоминает...

*старый Гейзерих* – Гейзерих (?-477), король вандалов и аланов в 428-477, союзник Аттилы. Опять «изнаночная аллюзия». Или – просто аллюзия, учитывая подозрения Цезаре.

*в перетрескавшийся череп... - ср. у Кельта: «Ахматовский боксёрский нос свечи воткнулся в перетрескавшийся череп...»* - Тим Александр Кельт «Некрологика» - Ярославль, 2006; с. 10. Ещё один привет с того света...

*Антиспарта* – В древней Спарте уничтожали детей, слабых телом. Кайндл требует, невзирая на состояние начинки и оболочки, аннигилировать несущее опасную девиацию. Непонятно, почему же всё-таки «Антиспарта», а не «Неоспарта». Пусть это будет вопросом для Кайндла или Доброва.

*только разбитый нос...* - именно так, по легендам, с разбитым носом нашли исторического Бледу.

*в коричневых брюках, белом свитере и жёлтом пиджаке* – та же цветовая аллюзия. См. примеч. к стр. 22.

*Меня зовут Валентино* – возм., аллюзия на Валентино Борджиа (? – 1499), романского графа, убитого своим братом Цезарем.

*Возведите трусость в закон...* - Ср.: «Нужно бояться, миленький. Очень, очень бояться. Тогда станешь порядочным человеком». Ж.-П. Сартр, «Мухи», акт II, явл. 1. См. напр. Ж.-П. Сартр, «Тошнота» - М., 1997.

*иранского гражданина Мухаммеда Худайбенде...* - Мухаммад Худайбенде (прав. - Шейбани) (1451-1510), основатель персидской династии ханов Шейбанидов (с 1500), потомок Чингисхана. Взшёл на престол после убийства своего брата Исмаила.

*за сокровищами Мунздука...* - Мунздук, гуннский правитель, отец Аттилы и Бледы.



## Юрий Тубольцев

### А-реальность (мини-цикл)

#### Наука орла

- что такое высоко? – спросил орлуша
- высоко – это когда выше крыши, – ответил новый орел

#### Антивероятность

- намазал бутерброд маслом с двух сторон – а он упал боком

#### Крючок в опасности

- одежду на пусковой крючок не вешают!

#### Говорил Эйнштейн

- все относительно! – говорил всем Эйнштейн, когда с ним выясняли отношения

#### Говорил Эйнштейн

- никогда не говори не понял – говори понял, но относительно – говорил Эйнштейн

#### Говорил орел

- не хочешь попасть под дождь – будь над дождем, – говорил орел

#### Говорил Дарвин

- если есть летучие мышки, значит должны быть и летучие кошки – говорил Дарвин

#### Формула любви

- любовь – не теорема, в любви нет универсального объяснения

#### Говорил крот

- копай, но не докапывайся, рой, но не нарывайся, – говорил крот

#### Чайная церемония

- хочешь узнать человека – распей с ним чай, – говорил Насреддин

### **Перевоплощение**

- ты тоже Микки-Маус, просто ты сделал губки уточкой, – сказал Дональд Даку сказочный критик

### **Доверяй – но проверяй**

- каждое намерение измеряй дважды

### **Новая арифметика**

- дважды еще четыре, но если подождать, то, может быть, будет и пять

### **Бормотал бормотун**

- убеждай убедительно, – бормотал бормотун

### **ОливКье**

- почему в салате оливье нету оливок?

### **Сокровище**

- возможно, стоит разобрать всю гору, если в ней есть хотя бы один бриллиант

### **Лыжня**

- коньками лыжню не прокладывают

### **Мера благодарности**

- на сколько большое спасибо?

### **Суперфотоаппарат**

- нашим фотоаппаратом Вы сможете снять любые преграды!

### **Разгрузка**

- кто лучше разгружает: грузчик или психотерапевт?

### **Убеждения**

- убеждения должны быть глубокими, но не бездонными

### **Глубинная бездонность**

- чем измерить глубину убеждения?

## АФОРИСТИКА

---

### **Мойсей**

- мой и сей! – говорил Мойсей

### **Полночь**

- смотри, чтобы полночь не наступила тебе на ногу

### **Оптимизм**

- оптимизм – это универсальный платок, которым можно утереть нос любой проблеме

### **Летний день**

стоял чудесный летний день, но не там, где ему следовало бы стоять

### **Одно но**

- чтобы ты ни сказал, всегда добавляй в конце «но»

### **Пей водичку**

- все козлята пили, иначе бы они козленочками не стали

### **Современные Адам и Ева**

- пошли мне смс! – сказал Адам

Ева улыбнулась.

- какой чудесный смайлик! – восхитился Адам

### **Говори**

- всегда говори «пожалуйста» и никогда не говори «а то»

### **Егора не объегоришь**

- Егора не объегоришь

### **Физика тела**

- все мы на 90 процентов состоим из воды, но у каждого – своя температура кипения

### **О ловле**

- такси сочком не ловят, сочёк вообще-то пьют

**Атрибу? Бу!**

- давай атрибутироваться! – сказал философ философу
- давай

**То же ли одно и то же?**

- одно ли и то же одно и то же?

**Философский вопрос**

- что было раньше: слова или ветер, на который их бросают?

**Стыдосовесть**

- спрятал бы ты свою стыдосовесть. Длинная больно.

**Просьба о помощи**

- девушка, я упал в ямку твоего подбородка, помоги мне выбраться!

**Мироборство**

- если человек не будет миру перечить, пропадет поперечное измерение и мир станет плоским

**Самоанализы**

- самоанализы сдавать только в себя!

**База данных глазами поэта**

- сделайте, пожалуйста, в базе данных три поля для поэзии: у каждого произведения есть название, тело и душа – сказал программисту поэт

**Зачрезмерье**

- те же ли меры в зачрезмерье?

**Объяснение**

- трудно объяснить въедливому, что не все съедобно

**Метаморфозы**

- можно ли, изменив только окончание, сделать из чулка чулан?

**Гипнотизер и грузчик**

- погрузи себя в себя! – сказал грузчику гипнотизер

## АФОРИСТИКА

---

### **Говорила Золотая Рыбка**

- и на пустые удила попасться можно, – говорила Золотая Рыбка

### **Кляксы жизни**

- человек – это промокашка, которая постоянно проникается кляксой, называемой жизнь

### **Взирающая звезда**

- из миллиона алых звезд какая путеводная?  
- которая взирает на тебя!

### **Наноподковка**

- а ты же блоху не подковал, – сказали Левше  
- а это теоретически подкованная блоха!

### **Измерение стопами**

- у человека две стопы, у хоря – пять,  
- но стоит ли стопами человека, как и хорей,  
- измерять!

### **Гогель**

- Гогель – это смесь Гоголя и Гегеля

### **Надутость земли**

- кто-то надул и землю – говорил воздушный шарик

### **Руководство оратору**

- хочешь много сказать – говори короче

### **Ниточка земли**

- земля тоже на веревочке, за которую ее держит клоун, – объяснял большой воздушный шарик маленькому шарик

### **Бездушная стихия**

- ты не смотри, что море волнуется, если ты не умеешь плавать – море это не волнуется!

### **Заботливое море**

- море всегда волнуется потому, что плавать не все умеют

**Определение никчемности**

- все к чему-то, даже никчемность...

**Есть**

- можно съесть только то, что есть, чего нет, того не съесть, – говорил толстый философ

**Теория эволюции Дарвина**

- сначала были скелеты, потом они обросли мясом, – говорил молодой Дарвин, пока не увидел в зоопарке обезьян

**Адамово яблоко**

- а то укушу! – сказала обезьяне змея. Но смелая обезьяна не испугалась и не стала есть плод. – а то укушу! – сказала Адаму змея. Адам, испугавшись, съел плод, и Адама выгнали из рая.

**Забудь о правах!**

- обязанность обязын стать человеками! – говорил обезьянам Дарвин

**Настоящий противник**

- противником можно назвать только того, кто напротив. Тот, кто за спиной – трус.

**Коларова**

- кока-кола у коровы! – удивилась доярка  
- рекламы корова насмотрелась, – объяснил ветеринар

**Говорил шарик**

- внешний мир также надут, как и внутренний, – говорил воздушный шарик

**Сономасон**

- сон придумал масон, до этого люди дрыхли

**В отрыве**

- включил на лугу рэйн – цветы стали отрываться

**Цепочка постижения**

- не каждая мысль - соображение, не каждое соображение - смысл, не каждый смысл - осмысленность

## АФОРИСТИКА

---

### **Нету чуда в технике**

- как бы удачно ты ни фотографировал - душу из пленки не проявить, - говорил фотограф

### **Вывеска в чебуречной**

- беляши и чебуреки уплетают человеки!

### **Верующий атеист**

- кто не верит – того не убедить, а кого не убедить – тот еще больше верит

г. Регенсбург



### Разговор с поэтом

Поэт Айвенго очень редко дает интервью. На моей памяти вообще никогда не давал. Хотя я и знаю этого замечательного автора с далекого уже 1994 года. Тем не менее, специально для нашего издания было сделано исключение. Читайте вопросы к поэту Айвенго и ответы на них.

Сергей Сумин.

**- Приветствую, мой первый вопрос - я знаю, что многие свои книги ты распространял в самиздате. Расцвет самиздата в Тольятти пришелся, наверное, на 90-е годы, когда в городе издавалось 4-5 независимых альманахов и журналов тиражами 5-10 экземпляров. Чем для тебя являлся самиздат?**

- Самиздат? Одной из форм фиксирования текста, наверное. Это сейчас я сижу за компьютером и компаную сборник. Могу один текст убрать, другой добавить и т.д. А какое-то время назад в печатную машинку заправлялись листы бумаги и текст (обычно стихотворный) сочинялся непосредственно здесь же. Потом эти листы собирались в книжку, рисовалась обложка, и новая книжка готова. Потом ещё самиздат, наверно, был (да и есть) неким эстетическим объектом. Ведь стишки в черновике или на экране монитора – это не то, что стишки в книжке. К тому же очень много книжек мне делали друзья, у которых была возможность их напечатать небольшим тиражом, а я лишь отдавал материал. Потом уже смотришь на книжку и радуешься. Так что здесь не без нарциссизма где-то.

**- В твоих текстах можно обнаружить столкновение различных пластов культур, обыденного и небесного, верха и низа. При этом и рифмовка странная: Катулл – подул... Как бы ты прокомментировал это соображение?**

- Ну, раз есть такое соображение, значит оно имеет право на существование. Чем больше пластов сталкивается друг с другом, тем лучше. И верх и низ, и небесное и земное пусть взаимовлияют. И Катулл пусть рифмуется с подул. Тем более, что щи-то горячие. Пусть будет то, пусть будет это – сначала осень, потом лето. Или наоборот.

**- Часто твои стихи оказываются помимо всего еще и историями, пусть такими, немного разрушенными, вывернутыми, но все-таки предлагающими читателю некий сюжет кто-то куда-то пошел, и что-то с ним случилось. Это просто форма такая?**

- То есть в текстах есть сюжет? Часто бывает и так. А бывает, что и нет никакого сюжета. Я только не очень согласен что они (сюжеты) вывернутые и немного разрушенные. Это всё зависит от восприятия читателя, а особенно слушателя. Ведь согласишься, что прочитать – это не одно и то же, что послушать. Хотя, может быть, ты и прав. Бывает, всё бывает.

**- Вернемся к Тольятти. За последние 20 лет я видел много поэтов, слышал чтение стихов многих интересных авторов. А ты следишь сейчас за тем, что происходит в нашем городе? Тексты каких местных авторов тебя вдохновляют?**

- Вдохновение - это хорошее слово. Ладо Мирания и Андрей Князев в большей степени наверно меня раньше вдохновляли. И сейчас мне они же и нравятся. И нравятся ещё тексты Сергея Щёлокова, Михаила Лёзина, Янкеля, Арины Усатовой, Владимира Краснощёкова... Некоторые из этих авторов уже не пишут стихов, но всё равно мне их старые тексты нравятся и где-то наверно вдохновляют.

**- Если вновь погрузиться в волны памяти – как ты сейчас видишь, что за поэтическая группа была – «Олимпийские игры»? Какую задачу ставили люди, объединившиеся в эту группу? Что их объединяло?**

- «На волне моей памяти» – это кажется пластинка такая была? «Олимпийские игры» была поэтическая группа, которая объединяла совершенно разных авторов. И здесь было не концептуальное объединение, а скорее дружеское. Просто вместе в начале всегда легче. Особых задач никогда не ставилось. Были совместные выступления, сборники текстов, общение. Творчество, одним словом, объединяло. Сейчас все остались добрыми товарищами. Кто-то по-прежнему пишет стихи и прозу. Кто-то стал художником, кто-то ещё кем. Главное, чего, на мой взгляд, удалось избежать, – это некоего клейма на всю жизнь – мол, он входил в состав такой-то группы и только в этом контексте о нём и помнят, что произошло со многими авторами, входившими в разные поэтические группы.

## ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

---

Ну, в этом авторы не виноваты, а скорее инерционное мышление читателей. Им так легче классифицировать поэтов.

**- Что ты думаешь о делении литературы на столичную и провинциальную?**

- Думаю, если кто живёт в столицах и занимается там литературой – то это столичная литература. А кто в провинциях – то это провинциальная литература. Кто-то живёт в Америке – это американская литература. Кто-то в Монголии – это монгольская литература. А чего тут думать?

**- А вообще, имеется ли у тебя представление – для кого ты пишешь? Кто читатель и слушатель твоих стихов?**

- Тут однозначно трудно сказать. Самым преданным моим слушателем является кошка Исида. Когда я сочиняю стишок, то она часто становится первым его слушателем и всегда одобряет. А что касается «для кого пишу» - дело в том что для графомана, каким я, несомненно, являюсь, сочинительство – это одна из функций организма – если можно так сказать. Так что часто это для самого себя, а если это ещё кому-то из людей нравится – то это и мне очень нравится.

**- Я знаю, что ты пробовал себя в нескольких направлениях: театр, музыка, рисование, перформанс, визуальная поэзия? Можно ли выделить что-то как главное или же это все как-то естественно совмещается?**

- Ну почему – пробовал? Я и сейчас пробую, творю, выдумываю, только вот не леплю и не малюю, как в известной песне. К сожалению, может быть. И пусть всё это совмещается, пусть. Главное, чтобы ушла грусть.

**- Если оглянуться назад и дать оценку сделанному – тебе интереснее то, что ты сейчас пишешь, или, условно говоря, то, что писал в 1990-е годы?**

- Мне, условно говоря, всё интересно. Как тогда меня интересовал алфавит, так и сейчас интересуется. Только тогда наверно более внешне, сейчас более внутренне. Тогда меня интересовало взаимопроникновение различных стилей. Сейчас мне тоже это интересно, но ещё интересней что бы в текст не было вставлено слишком много метафор или лучше совсем без них обойтись, что бы сам текст был метафорой. Или не был. Ну и т.д.

- Если бы ты составлял книгу своих избранных произведений, то, что вошло бы в сборник: стихи, миниатюры, проза, пьесы?? Я, кстати, люблю твои пьесы, например, «Торч. Корч. Порч», там довольно необычная атмосфера, персонажи!

- Дьяблерии «Торч. Порч. Корч.» повезло, наверное, больше всех. Она была напечатана и на русском языке и в переводе на французский. И были попытки постановок. Так что её оставим в стороне. А что касается сборника – то какое настроение было бы – в соответствии с ним такие тексты я бы в него и вставил. А как иначе?

- Твои пожелания литературному альманаху «Графит»...

- Что тут пожелать, кроме – творите, выдумывайте, пробуйте, а остальное придёт!

Декабрь 2012 года

### АЙВЕНГО

#### РОДИМЫЙ КРАЙ

летит над полем самолёт  
кидает в поле удобренья  
личинок в поле много мрёт  
лишь за одно одно мгновенье  
из речки лось водичку пьёт  
и снова в лес к себе уходит  
кабан там жёлуди грызёт  
охотник кабана находит  
стреляет дичи прямо в лоб  
и убивает непоседу  
здесь рядом с жизнью  
смерть живёт  
жена писателя зовёт  
идти домой скорей к обеду  
приехал он в родимый край  
чтоб ощутить здесь вдохновенье  
могилы предков посетить  
ну вот и всё стихотворенье

\* \* \*

вознёсся к небу слесарь  
витают в облаках  
он бросил в жизни якорь  
он превозмог свой страх

а в каждом околотке  
гудит сейчас весна  
и молодым да зрелым  
товаркам не до сна

чу половицей каждой  
скрыпят скрыпят дома  
и не прожить жизнь дважды  
и не сойти с ума

### МЕНЯЕМОСТЬ

Белеет кожурка  
На дяде тужурка  
У тёти дочурка  
У нас два окурка  
Давай поменяем  
Окурки с кожуркой  
Потом поменяем  
Тужурку с дочуркой  
Затем поменяем  
Дочурку с кожуркой  
А там поменяем  
Окурки с тужуркой  
Но вот мы меняем  
Окурки с дочуркой  
И тут же меняем  
Тужурку с кожуркой  
И что ж получилось  
Всё тот же состав  
И как не меняй  
Всё равно будешь прав

### БОЖЕНЬКА

Боженька в небе сидел  
Боженька с неба смотрел  
Боженька с неба смотрел  
Боженька в небе сидел

## ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

---

А я на стульчике сидел  
А я на боженьку смотрел  
А я на боженьку смотрел  
А я на стульчике сидел

Вот тучка боженьку закрыла  
Вот тучка боженьку закрыла  
Я это как-то не предвидел  
Я это как-то не предвидел

Но боженька тучку прогнал  
Но боженька тучку прогнал  
Теперь мы смотрим друг на друга  
Теперь мы смотрим друг на друга

### ПОЭМА УХОДЯЩЕГО ДНЯ

в салоне автобуса  
пахнет мочой  
кондуктор вздремнул  
на чуть-чуть  
и в это время  
ты мне сказала  
смотри вон видишь

### МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

он уходил  
над верхушками леса  
сначала прямо  
а потом сразу вверх  
и был похож  
вроде на сало  
или на гармони мех  
а что неплохие стихи  
ты сочинил ваня  
пожалуй мы их напечатаем  
в нашей газете

а что там дальше  
автобус ехал в темноте  
всё дальше  
и сверху был похож  
на большой фонарь  
ПОДОЖДИ НЕ ЧИТАЙ  
СЕЙЧАС Я ВЕРНУСЬ  
дверь открылась  
вышел вова  
на часах было  
полвторого

\* \* \*

надымлено накурено  
у жареной курицы  
собрались коллеги  
разделят курицу  
обгложут кости  
проводят хозяева  
тех кто приходил  
в гости  
слушай ведь скоро  
будет интересный  
фильм  
спасибо что сказал  
я хотела почитать  
месяц пускает  
мыльные пузыри  
девочка за роялем  
делает раз два три  
помою посуду  
помой пожалуйста  
два человека  
держатся друг за друга  
два таракана  
испугавшись яркого  
света скрылись в темноте  
два космонавта

## ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

---

вышли в открытый космос  
и затерялись  
в звёздной пыли

\* \* \*

куда ни плюнь  
провинция

а туда не плюй  
венеция

провинция  
и  
венеция

венеция  
и  
провинция

вроде провинция  
хотя венеция

хочешь-не-хочешь  
провинция

а захочешь  
так и венеция

куда ни плюнь

ПАГАНИНИ И ДР.

Паганини Порвали Струны  
Поганые Недруги  
Недруги Струны Порвали  
Паганини Поганые  
Струны Порвали Поганые

Недруги У Паганини  
Паганини: Ах Вы Поганые  
Недруги Вместе Со Струнами  
Струны: Мы Не Поганые  
Порвали Недруги Нас Паганини  
Недруги: Паганини Поганый  
И Струны Порвали Поганые  
Поганые: Струны И Недруги  
Паганини Порвали  
Порвали: Поганые Недруги  
А Паганини Со Струнами  
Совсем Не Поганые

ВИРШИ

АЗ СИДЯ НА БРЕГУ ШИРОКОМ  
ПОЙМАХ СЕЛЬТЕР В ПРУДУ ГЛУБОКОМ  
ВОТ ИДОХ ДО МЕНЕ ГОЛУБОГЛАЗЫЙ ВАЛЬТЕР  
АЗ ЕМУ КАЗАТИ ПОЙМАНЫЙ СЕЛЬТЕР  
ВЫЛУПИВ ОЧИ СЯДОХ НА ПЕСОК ОН  
ИЗ КАРМАНОВ ПОРТОК ВЫПАДАХ КАРТОН  
НА КАРТОНЕ ТОМ ЗЕЛО ЧРЕВАТЫЯ БАБЫ  
ТЕРЕБЯТ УД ЧОРТУ А ВКРУГ НИХ АРАПЫ  
ЧТО Ж БИРЮК ТЫ МЯ МОРОЧИШЬ  
ПОЛУЧИТЬ В ХАРЮ САПОГОМ ХОЧИШЬ  
АН НЕТ СПУЖАЛСИ ВАЛЬТЕР  
В ЗУБЬЯ ХВАТЬ ПОЙМАНЫЙ СЕЛЬТЕР  
И ГОНЗАТИ ВПРИПРЫЖКУ ПО ПЕСКУ И КАМЕНЬЯМ  
АЗ НАСЛАЖДАЛСИ СИМ КРАСНЫМ ВИДЕНЬЯМ  
И СЛОЖИХ ЯКО НАДО РАЗНООБРАЗНЫЯ СНАСТИ  
СОЧИНИХ ВИРШИ ПРО БОГОПРОТИВНЫЯ СТРАСТИ

1993-2000 гг.

**Ладо Мирания**

**ЧТО ШЕПНУЛ ФИДЕЛЬ РАУЛЮ**

\*\*\*

В ЛЕСНУЮ ЧАЩУ УБЕГУ  
У БУХТЫ ГУАНТАНАМО  
ДОСТИГНУ ГОРИЗОНТА  
И ВСТАНУ КАК ХОЗЯИН МИРА  
РАССТАВИВ КРЕПКО НОГИ  
И МЫШЦАМИ СПИНЫ ИГРАЯ  
Я ПЕСНЮ КУБЕ ПРОПОЮ  
ВДОХНУ Я СВЕЖИЙ ВОЗДУХ  
И В ТЕМНОТУ СВЕРКНУВ ОЧАМИ  
УЙДУ ЗА ГОРИЗОНТ

\*\*\*

ПРАЗДНИК В РАЗГАРЕ  
ЛИКУЕТ ГАВАНА  
ТАНЦУЕТ С ФИДЕЛЕМ НАРОД  
РАУЛЬ УЛЫБАЕТСЯ ТОЖЕ

ФОТОГРАФИЯ ЧЕ ЛОВИТ  
СВЕТ ФЕЙЕРВЕРКА  
ВСЕ ГЕРОИ СЕГОДНЯ НА МЕСТЕ

\*\*\*

БЮСТЫ ДЕВУШЕК НЕЖНЫХ  
СОЧЕТАЮТСЯ ГАРМОНИЧНО  
С ГАРМОНИЕЙ ТОРСОВ  
СТАТНЫХ МУЖЧИН  
БЕЛОЗУБЫ УЛЫБКИ  
И ГОЛУБКИ ПАРЯТ  
В НЕБЕСАХ  
ВСЁ СКРЫВАЕТСЯ В ДЫМКЕ  
И ЦАРИТ ЗДЕСЬ ЛЮБОВЬ  
СЛОВНО КРАСНАЯ МАСКА

\*\*\*

ВЗМАХИ РУКАМИ  
МОГУЧИЕ ТОРСЫ  
РОМАШКА НАД ГОЛОВАМИ  
В НЕБО ВЗМЕТНУЛСЯ ОТЕЛЬ  
ПРАЗДНИК МИРА И ДРУЖБЫ  
ЗВУК НОЧНОГО ПРИБОЯ  
ШОРОХ ЛЕТНЕГО БРИЗА  
В СУПЕ ПЛАВАЮТ МИДИИ  
МНЕ ХОРОШО

\*\*\*

Я ГИМНАСТ  
КРУЖАСЬ ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА  
ВО СЛАВУ РОДИНЫ МОЕЙ  
ДЕРЖУСЬ ЗА ОБРУЧ  
И КАНАТЫ ПЕРЕБИРАЮ  
СИЛЬНЫМИ РУКАМИ  
Я ПОМНЮ О ТЕБЕ ФИДЕЛЬ  
И СЬЕРРА-МАЭСТРА  
ПРИВЕТЛИВО ВСТРЕТИТ МЕНЯ  
КОГДА Я ОТДЫХАТЬ ПОЕДУ

\*\*\*

ЕСЛИ ТЫ ПАТРИОТ  
ГРОМЧЕ СМЕЙСЯ ПРИЯТЕЛЬ  
ПУСТЬ ПЕЧАЛЯТСЯ НАШИ ВРАГИ  
ТЫ ВЕДЬ МОЛОД ТОВАРИЩ  
ВЕСЕЛИСЬ КАК ГЕРОЙ

\*\*\*

ЭЙ ЖЕ  
МАЧО В СОМБЕРО  
ТЫ БЫВАЛ НА ТАИТИ  
БОРОЗДИЛ ОКЕАН  
А ТЕПЕРЬ  
ТЫ В ВАТАГЕ СТУДЕНТОВ

ПОСТИГАЕШЬ ОСНОВЫ НАУКИ  
ОТЛОЖИ ШТАНГЕНЦИРКУЛЬ  
ПУСТЬ ТЕБЯ ЗАКРУЖИТ  
КАРНАВАЛ

\*\*\*

СМУГЛЯНОЧКА РОЗИТА  
СМЕЁТСЯ И ПОЁТ  
УЖ ТРЕТИЙ ЧАС БЕЗ ПЕРЕРЫВА  
НЕ УСТАЁТ ОТПЛЯСЫВАТЬ  
ВО СЛЕД ЗА БУСАМИ  
КРУЖАСЬ ПО ВОЛНАМ РУМБЫ  
КОРАЛЛЫ СОЧЕТАЯ С ЖЕМЧУГАМИ  
УЛЫБКИ  
И СВЕТАТСЯ КОРАЛЛОВЫЕ КАПЛИ  
НА ГРУДИ КАК КРОВЬ  
ЕЁ БОЛЬШОГО СЕРДЦА

\*\*\*

УЛЫБАЕТСЯ ГОМЕС  
ОН СЕГОДНЯ ПОДРУЖКУ НАШЁЛ  
ЛОВКО БУДУТ ОНИ  
ВМЕСТЕ САМБУ ПЛЯСАТЬ  
СТОЛЬКО СТРАСТИ ТЕПЕРЬ  
У СТУДЕНТОВ

\*\*\*

ИГРАЮЩИЕ ДЕТИ ДОСТАТОЧНО МИЛЫ  
ДОСТАТОЧНО ДОСТАТОЧНЫ  
И В МЕРУ ХОРОШИ  
ПОСКОЛЬКУ  
ВЕДУТ СЕБЯ КУЛЬТУРНО

\*\*\*

СВОЙ АВТОМАТ ТЫ  
ОСТАВИЛ НА ВРЕМЯ  
ДЛЯ МУЧАЧОС ВЕСЁЛЫХ  
ПЕСНЮ ДРУЖБЫ ПРОПОЙ

\*\*\*

В ЛЕТНИХ СУМЕРКАХ  
ЖАРКИХ  
ТЫ БАУНТИ ЕЛА  
И ПЕСЕНКУ ПЕЛА  
О ПЛАЯ-ХИРОН  
ТЕБЯ Я СПРОСИЛ  
О КАЗАРМЕ МОНКАДА  
И УЛЫБНУВШИСЬ  
ТЫ МНЕ ПРОШЕПТАЛА -  
РАУЛЬ

\*\*\*

РУСОВОЛОСЫЙ ПАРЕНЬ  
ОБНЯВШИ КРЕОЛКУ  
ТАНЦУЕТ В НОЧИ  
ОН ПОМНИТ РОДИНУ  
И РУССКАЯ МАМА  
ПРИСНИТСЯ ЕМУ  
КОГДА ОН ЗАСНЁТ  
А НА УТРО  
ЛАСКАЯ ПЛЕЧО ПОДРУГИ  
КРЕОЛКИ  
ОН СПРОСИТ ЕЁ  
О ФИДЕЛЕ

\*\*\*

ДЕТИ ВЕСЕЛЯТСЯ  
ПРАЗДНИК ЗАВЕРШЁН  
СКОРО ПОЕДЕМ ПО ХАТАМ  
ТЕМНЕЕТ

\*\*\*

НА УБОРКЕ МАИСА  
ТЫ ВДРУГ ПРОВЕЛА  
ЛАДОНЬЮ МНЕ ПО ЩЕКЕ

И СКАЗАЛА СКРОМНО ВЗОР ОПУСТИВ

ЧТО ПОХОЖ Я НА ЧЕ  
СВОЙ МАЧЕТЕ ОТСТАВИВ  
СТРОЙНЫЙ СТАН ОБХВАТИВ  
ЦЕЛОВАЛ Я ТЕБЯ ДО УТРА  
В ЖАРКИХ СТОНАХ ЛЮБВИ  
КЛЯЛСЯ Я КАК ФИДЕЛЬ  
И В АТАКИ БРОСАЛСЯ  
КАК ХРАБРЫЙ РАУЛЬ

Я СТАЛ КОМПАНЬЕРО

\*\*\*

ВСЁ УКРЫЛОСЬ В БАРХАТ  
ТРОПИЧЕСКОЙ НОЧИ  
НА ПЛЯЖЕ СОМБРЕРО  
И БУСЫ КОРАЛЛА  
УТРОМ ОТЧАЛИТ КОРАБЛЬ

\*\*\*

КАРНАВАЛ ЗАВЕРШИЛСЯ  
ОТЗВЕНЕЛИ СИТАРЫ  
НО ЭТО НЕ ПОВОД  
СПУСКАТЬ РУКАВА  
ВПЕРЕДИ  
ТРУДОВАЯ СТРАДА

\*\*\*

МЫ ВСЕ САНДИНИСТЫ  
И ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ  
РЕВОЛЮЦИИ СМОТРИТ  
ГЛАЗАМИ МАТЕРИ  
РОДИНА НЕ ДАЙ ЗАБЫТЬ  
КАКОГО ЦВЕТА  
КРОВЬ У ВРАГА

1994г., новая редакция 2005 г.



## Кира Малинина

### Сохранить, сохранить как

#### 1.

Квартира была обставлена бедно: почти пустая. Стол, стул и шкаф жались по углам комнаты. Зеркало висело напротив коридора, так, чтобы отражение продлеvalo короткий отрезок у входной двери. Одну из стен занимали фотообои с морским пейзажем. Должно быть, здесь жил очень аккуратный пожилой человек, и ему было очень тесно.

Эту квартиру сдала мне молодая пара, видимо, дальние родственники. Они спешили. О прежнем хозяине квартиры – почти ничего не знали, кроме того, что жил-жил и вдруг исчез. Полгода подождали – сам не вернулся, а заявление в милицию никто и не думал писать. В общем, человека нет, а квартира есть – можно сдать. Я въехала в тот же день.

Первым делом разобралась с пылью, со старыми скатертями, сняла со шкафа артиллерию бутылок из-под шампанского, решила не протирать, а перенести их как есть на балкон: пусть продолжают пылиться там. Села перебирать книги – во втором ряду книг нашла фотоальбом. В нем – ни одного лица, только пейзажи. Место одно и то же: озеро, часовня на обрыве, летняя концертная площадка с белыми колоннами, лодки, гора с вышкой, фонтан, собака, аллеи в цветах и без. Лето, много осени, это, наверно, зима: снега нет, но ветер такой, что гнет сосны. Удивительно: ни одного лица, даже летом, в самый сезон, как у него это получалось? Станный человек. К последней странице, совершенно неаккуратно приклеена записка: «Чехов. 5 том». Ищу. За пятым томом – еще альбом, места все те же, но на некоторых фото есть женская фигура: грузная, с большим телом и маленькой головой. Кажется, будто это молодая девушка, одетая в нелепое тело огромной ростовой куклы. И манера одеваться у нее совершенно девичья: бантики, платья в мелких цветочек. Может, она сумасшедшая? Может, он ее любил? Но что это за место?

На последнем фото в альбоме – мужская спина. Это он: немного сутулый, но еще крепкий, седые волосы средней длины, какой-то совершенно бесцветный, сливающийся с пейзажем. Стоит лицом к озеру. Осень, вода мутная, тоже бесцветная. Под фото подпись: «так и прожил - по капле. в каждой бутылке по капле. вот и все». Ага, бутылки! Сколько же их вокруг, еще не унесенных на балкон, должно быть не меньше 30. Этикетки смыты, ничего примечательного – обычные бутылки. Только... внутри что-то, свернутое аккуратно так, в трубочку.

Мы так играли в детстве: остров сокровищ – такой себе советский квест, где нужно было, несколько раз обежав вокруг дома в поисках следующей подсказки, найти клад в виде журнала «Мурзилка» или баночки слипшихся от жары монпансье. Разбиваю первую попавшуюся бутылку, достаю записку, не читая, откладываю ее в сторону, бью вторую, третью, четвертую. Соседи, должно быть, решили, что я сумасшедшая. Весь балкон усеян темно-зелеными стеклом – все бутылки разбиты, записки извлечены, сложены, я жду. Чего? Глупая привычка задерживать дыхание перед входом.

Будто бы оттягиваю момент. Иду за веником, убираю стекла и только потом берусь разбирать записки. В каждой из них дата, пара строк и место – одно и тоже – Абрау-Дюрсо. Мне ничего не говорит это название. Читаю записки:

вдох - в неделю, а выдох длинною в 5 месяцев будет, мне уже становится грустно. завтра уезжать. 1995, август.

под утро был сон: мои руки гибкие, снова молодые тянулись через все озеро, на них садились огромные птицы, но до тебя я так и не достал. а, проснувшись, плакал, как в детстве 1997, июнь.

ты уехала, и опять увезла меня с собой. мне самому ничего не осталось. так и живу, ты знай 1993, май

ветра было много, я аж оглох от него, слышалось, будто мама зовет меня снова. а голос на твой похож. 1994, ноябрь

## ПРОЗА

---

пил кофе, хороший. тянул время, будто сам себя. Жизнь такая длинная. Шурочка, хоть бы дождь сегодня пошел, умыться. 2005, сентябрь.

на берегу нашел моток белых когда-то ниток. забрал с собой. наверное, оно так разговаривает со мной. в тот раз были сломанные часы, а перед этим – несколько размякших карт. все шестерки да десятки. 2004, сентябрь.

снились поваленные деревья. одно из деревьев – я. страшно мне стало, Шурочка, будто времени совсем уж нет. 2006, ноябрь.

Тут в дверь постучали, звонок оказался сломан.

- Петр Николаевич, вы тут? Это я, я принесла! Как договаривались: 5 месяцев.

Открывайте, Петр Николаевич!

Открыла.

Женщина, кажется, не была удивлена. По-деловому спросила:

- Вы кто?

- Племянница, - и уточнила: троюродная.

- Ага, понятно. Он предупреждал... а сам-то он где?

- В Абрау-Дюрсо, внезапно выдала я.

- Ага, как и говорил, ясно. Ладно, держите, передадите Петр Николаевичу. Он знает.

- Хорошо, - я взяла сверток.

- Только лично в руки. Он сам должен открыть.

- Да-да, лично, - я закрыла дверь.

Держа в руках сверток, я думала только об одной услышанной фразе: «Он предупреждал». Должно быть, просто совпадение. Решила не открывать пока этой посылки – пусть полежит. Зачем взяла ее? И при чем тут 5 месяцев? 5 месяцев назад я сбежала со своего города в этот. Все эти 5 месяцев я лечила себя и успокаивала, училась жить – так, как учатся ходить после серьезной травмы ног. И тут вдруг чужой человек говорит: «5 месяцев». Слишком много загадок для моей маленькой головы, вернусь к запискам.

Прежде чем положить сверток на стол, послушала его, потрясла, оттуда выпал жд билет. Ну вот, этого-то я и боялась, хотя очевидно, что предположить никак не могла. Хорошо, билет так билет. Куда мы едем, Петр Николаевич? Неужели в Абрау-Дюрсо? Нет, всего-то лишь Новороссийск. И вот ведь какое совпадение, что билеты без фамилий у нас ввели только полгода назад. Но почему не Абрау-Дюрсо. Может быть, там нет ж/д, он купил до ближайшей станции. Ок, Петр Николаевич, если уж играть – так по-полной. Так уж и быть – привезу вам посылочку. Выезжаем послезавтра? Прекрасно, жизнь становится все интереснее. Может быть, теперь начнет что-то действительно происходить? Даже если нет – возможность удрать куда-то подальше от своих проблем, я не упущу.

За эти два дня, что, казалось, тянулись бесконечно, я перерыла всю квартиру в поисках чего-нибудь еще. Сказочная формула: пойдя туда не знаю куда, найди то не знаю что – обычно приводила героев к своей судьбе. Я это хорошо помню. Искала и думала все: «Почему я?». Ведь на моем месте мог оказаться любой другой человек. И если оказался бы, но может и не стал бы даже смотреть альбом, искать записки в бутылках. Просто собрал бы весь хлам и выбросил. Мне стало невыносимо грустно – хоть вой! Я вдруг представила, как рослый, простецкий такой парень бросает в мусорную кучу за домом мешок со всеми мелочами, фотографиями, записками, поджигает его и долго еще стоит, наблюдая, как все горит. Ну, вот уже и плачу. Чего вдруг? Разве это мою жизнь сжигают? И хочется бежать куда-то, и кричать, кричать, кричать. Какой-то припадок, истерика. Сохранить, все сохранить. Как будто это гарантия, моей жизни, что сохранят и меня, что я буду длиться. Ну глупость ведь, глупость. Мне все равно. Я сделаю.

Собрала все. Все, что смогла найти, упаковала в чемодан – теперь готова ехать, Петр Николаевич, готова.

## 2

В середине октября здесь почти нет людей. Над озером по утрам – туман. Дворники метут листья с аллеи.

## ПРОЗА

---

Я втихаря разбиваю их аккуратно сметенные кучи – мне нравится, когда листья разбросаны: по ним можно ходить и слушать их хруст. Лодки все еще стоят, сбившись носами в кучу у берега. Пустота такая прозрачная, звенящая, хочется дышать медленно. Так, чтобы слышать, как течет кровь по сосудам. Медленно, да. И идти медленно, будто бы разрезая собой застывшее пространство. Понимаю, почему чаще всего он приезжал именно осенью. Ничего не отвлекает от себя, даже наоборот. Ходишь по этим пустым аллеям, кажется, что туда-сюда, а на самом деле, будто бы идешь по длинному темному и сырому коридору, идешь, идешь - и тут дверь. Наконец-то! Входишь в нее, закрываешь за собой, и все: пришел в себя, закрылся, сидишь, стены рассматриваешь. И так, будто не знал себя изнутри никогда, не видел. И все аж сжимается.

Окна номера моего смотрят на озеро. О-зер-О два «о» как два глаза в слове, а на деле глаз – один. Говорят, в нем водятся змеи. Я не знаю, что делать. Я сижу в номере, иногда гуляю, перечитываю записки, подолгу смотрю на озеро, жду. Может быть, кто-то придет, принесет еще посылку, или он сам зайдет вдруг и скажет что-то очень важное, что-то объяснит мне, или Шурочка встретится на улице. Кто-нибудь, хоть кто-нибудь. Жду.

В середине дня пошел мелкий дождь. Я направилась к озеру. Села в одну из лодок у берега, сидела долго одна, пока не подошел лодочник.

- Кататься?

- Нет, я посидеть.

- Был тут один такой: в дождь придет и сидит.

- Петр?

- Может и Петр. Так ни разу и не взял лодку покататься – плавать не умел. Думал, утонет.

- А вы Шурочку знали?

- Нет, кто такая?

- Сама не знаю.

Ушел. Еще посидела и промокла совсем. Наверное, теперь заболела. Иду по аллее к гостинице, перед самым выходом из парка оборачиваюсь и вижу – вдалеке у самого берега стоит женщина под дождем, смотрит на озеро. Маленькая голова и грузное тело. Я срываюсь: «Шура, Шурочка!». Бегу и ору, что есть глотки. Она медленно так уходит, плавно, все дальше и дальше, я бегу и падаю, разбиваю колено, встаю и бегу, но она ушла уже. Нет Шуры. А может не она была? А, может, не было? Что среди дождя не привидится?

Ночью поднялась температура. Мне казалось, что комната заполнена незнакомыми людьми, все чего-то ждут от меня, чего-то хотят, хватают за запястья. Я вставала, покачиваясь, махала руками и повторяла: «Уходите, я ничего не должна вам, ничего». Потом проваливалась в сон, снова просыпалась, ползала по комнате, что-то искала. Плохо помню, ничего не помню. Потом опять сон, вижу будто в свертке том кто-то живой, ребенок или животное какое мелкое. Плачу: как мне его жаль - разворачиваю сверток, но слоев в нем все больше и больше, бесконечно много. Рыдаю. Во сне я так и не добралась до сердцевины, проснулась. Дотянулась кое-как до тумбочки, где он лежал. Разорвала оберточную бумагу, потом картон, внутри – алюминиевая урна. Сверху выгравировано: «Шурочка». И внизу на бумажке мелко: «отвези ее на середину озера, брось в воду».

Была глубока ночь, небо чистое, луна. Не помню, как оказалась в лодке, не помню, как оказалась на середине озера. Температура по-прежнему была высокой. Меня тошнило и укачивало. Не сразу заметила я, что над озером туман. Я все плыла и плыла. Будто бы это не я вовсе. Остальное в памяти как отдельные кадры: вот опускаю урну в воду, вот она тонет, вода смыкается, смотрю на берег – туман. Сквозь него вижу мужскую фигуру, которая медленно входит в воду и идет, идет, идет, постепенно погружается. Стой! что есть сил гребу к берегу. Весла будто вязнут в тумане. Я кручусь на месте. Стой же! Куда? Все, нет его, не видно, пропал, вода сомкнулась. Из-за тумана не могу рассчитать расстояние.

## ПРОЗА

---

Все, не успею, ничего не успею. Тишина. Черпаю одной ладошкой воду, умываюсь. Туман над озером постепенно рассеивается. Меня знобит, плыву назад, бреду в гостиницу. Там – засыпаю.

Мне снится, будто я огромная змея, спящая на дне озера: глотаю Петра Николаевича, Шурочку, потом себя. Мне снится, будто я огромная птица, уношу озеро, похожее на тело змеи в чешуйчатых лапах. Мне снится, будто я Петр Николаевич - маленький мальчик плачу на берегу озера. Мне снится, будто я вдруг выросла, и части тела моего лезут вон из комнаты. Мне снится, что идет дождь и озеро выходит из своих берегов. Я просыпаюсь.

За окном солнечно. Теперь можно ехать домой. Картины произошедшего ворочаются в памяти, как гигантские валуны, но я не думаю, я сижу на стуле, поджав под себя ноги, и пью воду. В окне видно озеро - оно такое же, что и вчера, ближе к парку плавают птицы, наверное, утки, отсюда не видно. Очень теплый для середины октября день. На улице хорошо, дворники метут листья. Хочется дышать медленно. Так, чтобы вдыхать этот день полностью. Давно со мной такого не было. Кажется, я наконец-то вылезла из грузного тела ростовой куклы, что носила уже несколько лет и не замечала. А теперь стала совершенно легкой и прозрачной.

Я покупаю бутылку красного и медленно выпиваю на террасе. На салфетке пишу чужие слова: «все, что не было со мной, было и прошло». 2010, октябрь. Абрау-Дюрсо», аккуратно сворачиваю и засовываю в пустую уже бутылку. Прощай, Петр Николаевич, прощай, Шурочка. Я вас помню. Я возвращаюсь.

Абрау-Дюрсо. 7-9 июня 2012

**Сумин Сергей****Прогулка**

Этот рассказ уже написан.

Месяц действия – сентябрь.

Время действия – вторая половина чудесного дня.

Персонажи: Он и Она.

Событие: недолгая прогулка по лесной тропинке, выводящей к большой реке.

Несмотря на то, что рассказ написан, начинается он только сейчас.

Он и Она вновь замолчали.

Солнце приносило лучи откуда-то издалека и как бы нехотя.

Лес стоял чуть поодаль, сияя и перемигиваясь.

Воздух казался неподвижным, но редкие белые облака плыли, колеблемые ветром.

Щемящее чувство осенней сопричастности шло рядом, не показываясь.

Молчание становилось насыщенным, как губка.

Тишина леса означала что-то, но люди не могли прочитать эти отрывки из рукописи безмолвия.

- Вы что-то сказали?
- Нет, но, возможно, сказали Вы?
- Варианта всего два: или мы ничего не говорим, или же ничего не слышим!
- В этом лесу глухо, но не это мешает мне слышать Вас...
- К чему мы заслонились молчанием друг от друга?
- Она заслонила лишь меня. Вы можете говорить.

## ПРОЗА

---

Тропинка в лесу была извилиста и едва приметна.

Искры цветов кустарника разлетались в чуть розоватом воздухе.

Листья берез впитывали желтизну солнца, сохли и темнели на глазах.

Ожидание чего-либо казалось излишним.

Два идущих по лесу человека были одни, не считая всех живущих на Земле.

Нарастающие паузы: они были.

Описание разговора: его не было.

В вечернем мире висело предчувствие – но чего?

Чего ожидало предчувствие, которое всегда – перед?!

- Время сказать никак не наступает...

- Знает ли само время об этом?

- Скорее всего, догадывается.

- Все равно оно не наступает...

Порывом ветра принесло сладковатую волну воздуха от куста малины.

Дивное облако затянуло собой почти четверть видимого неба.

Серебряный вечер торжествовал.

Тропинка выбегала к реке.

Мир неторопливо звенел и шумел повсюду.

Все было во всем, исключая тех, кто в этом сомневался.

Пространство открывалось каждому встречному взгляду.

И вдруг время сказать наступило.

- Мы одиноки, но вряд ли это одиночество...

- Подобные заявления позволительны лишь влюбленным!

- Пожалуй, но влюбленность, заметьте, всегда похожа на мягкое отстранение, хотя я еще не поняла: от себя или от объекта чувств?

- Да, влюбленность – вдохновенное одиночество, торжество самоускользания.

- Однако что все-таки отделяет нас от самих себя?
- Какой-то холод, какая-то надежда!

Желтая листва трепетала и билась о ветви и стволы кленов.

Терпеливо, будто паломники, точно знающие, куда они следуют, брели по небу ватные облака.

Он и Она слышали шаги пышного, чуть ветреного сентября.

Что-то незыблительное мерцало во всем вокруг.

Может быть, игра светотени, может быть, безмолвие чуда.

Слова разговора мужчины и женщины были подобны внезапным порывам ветра.

Они обменялись взглядами – мгновенными, как выстрел.

Осень длилась, похожая на долгую прелюдию.

- Вы верите в случай?
- Случайный ответ подойдет?
- Даже очень...
- Случайности не бывает....
- А мне показалось сейчас, что Случай встретился с нами, но мы отвернулись, и он молча прошел мимо!
- Даже если бы отвернулся хотя бы один из нас, он не остановился бы....

Внезапно воздух показался им дыханием кого-то давно забытого.

Он и Она перестали молчать, но слова не слетели с их губ.

От набегавших волн ветра листочки осин и берез дрожали своими хрупкими легкими телами.

Пьеса никак не начиналась, хотя персонажи были уже придуманы.

Отсутствие или задержка автора ничего не могли изменить – пьесу могли начать только сами персонажи, однако они-то как раз ничего не знали об этом.

Молчание все еще длилось.

Синева неба и пух облаков вдохновляли и казались торжественными.

## ПРОЗА

---

От дуновений вся желто-зеленая крона деревьев топорщилась и бросалась из стороны в сторону.

Тем не менее, в природе намечалось явное движение к равновесию.

Небо становилось равным Земле, Мужчина – Женщине, Тишина – Слову.  
Кто мог знать – надолго ли, навсегда?

- Если наше молчание настолько глубже наших слов, то отчего бы не погрузиться в него?

- Давайте попробуем, однако сможем ли мы потом выбраться из этого гулкого колодца безмолвия?

- Думаю, да, ведь, произнося слова, мы ничего не нашли, а, замолчав, быть может, кое-что обнаружим...

- Я не против, ведь не исключен вариант, когда наши молчания совпадут и мы сможем, наконец, поговорить...

Прикосновению, однако, нашлось место.

Она поспешно отстранилась, не узнав давно знакомого.

Время шло, но не проходило.

Безмолвие теперь повисало стеной, но не падало на землю.

Стало заметно прохладнее.

Сиреневые тополя теперь дрожали уже не на шутку, а простор вдаль не так явно открывался зрачку.

Облака темнели и густели на глазах.

Стая галок с криком сорвалась с березы и попыталась разогнать надвигающуюся темноту, но тщетно.

День превращался.

Несколько ворон кружили над поляной, как бы составляя в сером воздухе текст, который только они и могли прочесть, если бы постарались.

Грусти и радости не было, но что-то рвалось и сияло в душе.

Сияние это то усиливалось от прикосновений с воздухом, то утрачивалось напрочь.

Сердца просыпались от взаимного льда, но было ли это всего лишь ответом на вечернюю красоту?

Мерцание длилось для всех или ни для кого.

Бесшумное струение времени не было очевидным и оставалось почти незримым.

Разговор двух одиночеств то иссякал, то оживал, подобно Фениксу, встряхиваясь из пепла безмолвия.

Кто-то из двоих вспомнил об этом и заговорил, чтобы жить.

- Нужно возвращаться!
- Но мы ведь еще ни к чему не пришли...
- К чему мы можем окончательно прийти?
- Следуя дальше, нельзя останавливаться. Прогулка должна быть прогулкой, а не кружением вокруг одного и того же!
- Значит, продолжение следует?
- Неизбежно, как вечер!

Мелодия дня завершалась, но чем?

Возможно, то, что звучало сегодня двоим, напоминало симфонию сердец, где плавная музыка переходит в еще более плавную.

Пережить эту дивную музыку казалось невысказанным, но вероятность все-таки оставалась.

Вечер иссякал и гас.

Дивное озеро неба потемнело, но не опечалилось.

Лес приглушенно шумел, уходя в собственные тени.

Продолжения рассказа не будет, ведь он уже написан.

Сентябрь-ноябрь 2005 г.



**Владимир Попович**

**Причастность**

\* \* \*

Если бы только ведал я раньше,  
какое это ненужное бремя – оставаться собой.  
Если бы умел я чувствовать,  
как моё равнодушие приносит кому-то страдание.  
И если бы звуки моего сердца  
не посягали на чужое безразличие,  
неисправимое, свободное от моей воли...

Вот тогда я научился бы наконец  
слышать себя.

\* \* \*

Каждый час каждого дня,  
где и зачем бы ни находился, чего бы это ни стоило мне,  
я думал и думал о своём предназначении.

И сейчас я склоняюсь к тому, что его у нас всё же нет,  
как нет и нашего отсутствия в том или ином смысле жизни.

Пожалуй, грустнее всего сознавать свою непринадлежность  
к тому Мимолётному, без которого дышишь через силу;  
а также ту личную истину, что до сего момента  
не создал ничего своего.  
Значит, и сущность твоя  
только останки времени, забытые в прошлом.

И ты вспоминаешь имена, имена,  
живущие то ли с тобой, то ли сами по себе, -  
как будто выжимаешь кровь из пальца.  
Они тебе нужны как первая перспектива того, что ты склонен  
принадлежать своей космосом назначенной планете заведомой пылинкой,  
а она, возможно, тебе отвечает тем же.

## ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

---

Чем пристрастнее желаешь достичь равновесия, тем незаметнее и тоньше понимаешь: довольно исходных состояний и без того, чтобы питать себя не мудрой безучастностью, а только отрешённостью от каждой голословной поры.

И тогда снова не удаётся понять, для чего ты здесь.

\* \* \*

В моих зрачках эта ночь  
темнее моей же тоски в ночи.  
Утопающему во мраке не коснуться дна просветления.  
Издали, как вестник чужих и близких голосов,  
навстречу одинокому существованию  
порождается разумное эхо.

Я смотрю в одну точку,  
смотрю в одну точку,  
смотрю в точку,  
в одну точку,  
в точку,  
в точку...

Неподвижен ночной клубок паутины  
моей бессонницы.

\* \* \*

Я глядел на тебя, Эверест,  
на склоны твои, занесённые давешним снегом,  
что ветер носил так странно.

К вершине твоей не раз подбирались зачем-то, будто с неё  
лучше видится мир. И был удивлён я: тебя  
столь часто они посещали, но ты себя не открыл им.  
Тщетно тебя вспоминать и разгадывать.

Ведь каждый из нас – Эверест,  
и древо любое вокруг – Эверест,

и травы, и камни, и реки – Эвересты своих времён и пространств.  
И те облака, до которых рукой не достать никогда –  
Эвересты созвучных веков.

И даже земля, что не спит вместо нас по ночам –  
Эверест от последнего вздоха до памяти звёздной о ней.

\* \* \*

Когда ты относишься к чему-то с повышенной серьёзностью,  
вскоре начинаешь понимать: суть этого улыбается тебе  
снисходительной и мнимой, точно отчаяние, улыбкой.

В ответ тебе не до смеха, только ступор уверенности  
и скорость времени,  
мелькание солнца, оттенки и цвета горизонтов.

На самом деле ведь вокруг ничего не происходит,  
когда ты на коне, во всеоружии, готовый сразить того, кто на пути.  
Последний не принадлежит тебе, и ноша твоя  
украдена у чужой свободы.

Сколько можно быть чужим себе самому?

\* \* \*

Я отказался почти от всех песен,  
услышанных мной до сего дня.

Их мотивы стали гимнами вечности, отвратительной создателям,  
и связаны с нелепостью моментов моего прошлого.  
Их слова – брошенными камнями наугад и лишёнными тайн,  
что наполняют моё сердце.

Смею сомневаться, нужны ли мне песни вообще:  
тысячи птиц, отпущенных кем-то в неизвестности,  
к которым я равнодушен.

## ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

---

Быть может, никогда ещё я не был так уязвим  
перед ясным взглядом со стороны.

\* \* \*

Я открыл глаза раньше времени, и ветер за окном  
не успел замести все следы.  
День продолжал растворяться в воздухе,  
что оживлял органы чувств.  
Мысли не бегали из угла в угол, а спокойно  
ожидали своей участи.  
Тишина замедлялась голосами вдали.

Я понимал, что и сам состою из попытки  
присвоить своевременность собственному беспокойству.  
Только не стоило спешить с отсечением пальцев руки  
такой короткой жизни,  
оставленной мной до того как в очередной раз  
сомкнулись мои глаза.

\* \* \*

Вполне допустимо, что в век да Винчи «Мона Лиза»  
не считалась таким шедевром,  
а дантовская «Комедия» была только наследием эпохе  
гениального флорентийца.

Несомненно одно: мы не ответственны за всеобщее признание  
и за наше восприятие прекрасного.  
Зато мы всегда приходим, ибо иного не дано,  
к окнам заповедного дворца, что раскинулся посреди пустыни.  
Нам известно, что роскошь его убранства совершенна,  
что здесь готовят самые изысканные блюда.  
Отсюда едва доносятся звуки великолепных мелодий.

Мы успеваем исключительно к окончанию пиршества духов величия.

Над нашими головами светит безразличное солнце.

Наше сознание спит спокойно: широкие окна открыты для каждого.

\* \* \*

Моя причастность,  
моя уединённость,  
моя странность у солнечного сада нежной тайны.

Здесь только что замёрзла чёрная роза,  
и вместо неё расцвёл шиповник.  
Цветы его – душа: прозрачный рисунок без теней,  
без тёмных контуров.  
На этом рисунке так сложно разглядеть чистую основу,  
явный фон, заведомые черты.  
Но сам он видит всё, поскольку его концепция поиска  
лежит на протянутой руке.

Вот так я прихожу к тому, что поиск напрасен,  
когда замирает ожидание.

Когда надменность красоты ускользает  
из твоих представлений в медовое настоящее.

## Любовь Денисова

### Шахматы

Шахматы. Горит огонь.  
Чёрный конь и белый конь.  
Ранен больно белый слон,  
Взят тот слон уже в полон.

Гордо ферзь идёт вперёд.  
Пешки за собой ведёт.  
И любая пешка, зная,  
Королевой хочет стать.

### Тень

Тень от тела отделилась,  
Тень шагает по стене.  
Может, всё мне это снилось,  
Может, было всё во сне?

Укололась я иголкой,  
Чтоб проснуться, если что.  
Но не сон... Всё слишком колко.  
Мне без тени всё не то.

«Тень, вернись ко мне, - молила.  
- В чём, скажи, моя вина?»  
«Нет, тебя я не простила.  
Ты останешься одна».

«За грехи твои отныне,  
- Прошипела тень моя.  
- Буду я теперь в помине,  
И теперь свободна я».

### Истина

Знать, всегда во всём ищу я истину...,  
Даже если истины и нет.  
Иногда всё кажется бессмысленным,  
Иногда на всё один ответ.

Одолеют вновь меня сомнения:  
Может, и не так уж я плоха?  
МОЖЕТ БЫТЬ, ДОСТОЙНО НАСЛАЖДЕНИЯ  
ТЕЛО, ЧТО НЕ ВЕДАЛО ГРЕХА.

### Искушение

Я не идеал и не красавица;  
Я бокал мартини, что со льдом.  
Он судьбы мне сотни раз достанется,  
Только мне с тобой всё нипочём.

Знаешь, больше мне совсем не нравится  
Делать что-то от тебя тайком.  
ИНОГДА ОТ ПРОШЛОГО ИЗБАВИТЬСЯ  
НУЖНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБ БЫТЬ ВДВОЁМ.

### Остров

Я был Богом, это было так непросто.  
Я покину свой пустынный странный остров  
Своей странной искалеченной души...  
Слишком сложно всё понять и всё решить.

Я погибну – айсберг в сердце мне воткнётся.  
Злая птица надо мною вьётся-вьётся...  
Я умру, и это будет *очень* просто.  
Я покину свой пустынный странный остров.

### Ты

Ты ведёшь меня  
По маленькой тропинке.  
Здесь с обеих сторон  
Можжевельник,  
Терновник,  
Чертополох.  
Мои глаза завязаны,  
Но сквозь повязку  
Я вижу свет.  
Я не знаю, что это за свет,  
Но хочу, чтобы он был со мной.  
Всегда.  
Навсегда.  
*Ты.*

...

**Илья Дацкевич**

**между молчащими...**

**под плащом Платона**

поцелуй –  
диалог между молчащими...

любовь.  
философия тела.

мой личный май 68-го...

...

п у с т о т а –  
непостижимый порядок  
того что мы не называем

χάος –

пустота как присутствие...

...

“художник –  
менадическая душа”  
сказал один художник мысли...

**[пьер адо]**

*если зло в порядке вещей  
то для мудреца  
оно превращается в спасительное  
испытание*

## ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

---

*эта мысль  
уже высказывалась  
(в одном из первых сочинений Плотина)*

### **любовь: Гёльдерлин**

я тебе никогда не напишу  
ты слишком далеко  
за границей слова...

### **Кьеркегор о себе**

*жизнь моя –  
сплошная ночь...*

### **Диоген**

нужно спрятаться –  
мир жесток...

### **Гераклит: σοφόν**

*сколько [мудрых] людей  
я не встречал  
ни один  
не достиг того  
чтобы знать что такое мудрость...*

**Περσεφόνη**

*насекомое  
главное ремесло которого –  
выгрызть ради поддержания своего существования  
внутреннюю часть ядрышек фруктов  
и которое  
как говорят  
иногда прогрызает барабанные перепонки человека  
при помощи своих щипцов  
сходно с дочерью Деметры  
(в том  
что оно тоже  
углубляется в подземное царство...)*

*глубина – страна слуха...*

**Рембо Верлену**

даже и не думай  
что я  
хочу быть тобой  
я другой...

**Θεόφραστος**

какая эпоха  
такие характеры...

## [смерть Ницше]

1

бегство от себя  
в свободную снежную даль —  
в смерть  
[т.е.  
в своё освобождение...]

2

..ты не вернёшься  
Нет.  
в мире где строгий  
но мудрый пророк  
сойдя с высоты своих гор  
посохом золотым  
небо прижал к земле  
ты будешь жить  
вечно...

## Л. Андреев

прогулка  
по дантовским местам...

## Царь Эдип

если бы можно было путешествовать  
только в себя  
любить только себя  
и не видеть ложного мира  
не видеть других..  
у мудреца гомера  
(как иногда шепчут  
не такие уж и глупые женщины)  
глаза смотрели только вглубь души  
и он был счастлив...

**Саша Антип**

**ежедневное вторжение**

по улице  
что, сгибаясь, упирается в тугие рельсы  
сомневается, но все же терпит происходящее в себе  
медленно передвигая ноги  
осуществляет спотыкающееся действие  
толпа переговаривающихся людей

они идут заполнить рынки и квартиры  
вялотекущее вторжение в стягивающие города  
ронять отражения в витрины  
и вдавливать окурки в разбитый тротуар

бросая стоптанную обувь на дорогу  
они внедряют в воздух поношенные слова  
усталые рыбы выбирают на остров  
закапывать мокрые плавники в песках

все это напоминает моменты в классах  
когда студент твердо отвечает невыученный предмет  
они отвоевывают свое пространство  
ударяя сумками по земле

застрахованные от проникающих просмотров  
отсутствием надстроек в существе  
им всегда будут требоваться просторы  
чтобы докопаться к глубине

я иду, лавируя внутри рассредоточенного марша  
жизнь права в своей незатейливости лет  
но это камни, которые не царапают  
шелестя бросками, они паразитируют на буквах утренних газет

### running inside

если бежать  
поворотами в дворы ломая километры  
через мозаику спин, отгораживающих друг от друга дома  
по вкопанным в асфальт белоснежным лентам  
резкими толчками покидая тротуар

бежать, выдыхая воздух в пространство площадей  
сквозь чередования бесед оживленных парков  
в сияющем мерцании рекламных новостей  
подошвами вбирая уличную слякоть

бежать, вырываясь из квадратов зрений тусклых окон  
по краям глянцевых скоплений воды  
в звуковом огне трамвайного рокота  
в шумящих интерьерах окружающей среды

то там  
на вершине кирпичного строения  
небо сдавливает величием антенные кресты  
я стоял однажды там  
как в развалившемся застрявшем лифте  
и совокупностью осознанных движений  
выламывал кнопки на верхние этажи

\*\*\*\*

канализационный люк, в который смотрится пустынный город  
как аквариум с вакуумом на дне  
коммунальный ад прячется за шторами  
задыхаясь в прозрачной темноте

я – выбираю направление, глядя на узоры  
плоских скульптур, разлитых по лужам  
как душа, врытая в стихотворение  
тело разбегается по суше

красный свет светофора, отражаемый зрачками  
столпотворение, озвучиваемое как стоп  
мы все устали, я буду повторять, устали  
в тени разрядов одиночества и провисших проводов

на рынках растаптывают нонконформизм  
покупая допинг счастья в стеклянных банках  
спортсмены непотревоженной мечты  
в теплых сапогах без номеров на майках

солнце размывается о воздух  
в теле звезды паразитируют телезвезды  
кричащий рассвет, умирающий при родах  
нанизывается на штыри неврозов

и здесь нигде нет времени  
его убили пассажиры в пыльно-желтом вагоне метро  
когда с азартным трепетом  
разгадывали призовой кроссворд

### **случай в городе людей**

безмятежный перекресток, в который мы  
не вкладывали никакого содержания  
прохожие совершают ежедневные шаги  
ни упадка, ни противостояния  
городской обычный ритм

это был удар, который упивался своим эхом  
предваряясь звуком тормозов  
два автомобиля осуществляют столкновение  
под шум вминающихся корпусов

колеса выворачиваются в повороте  
стекло рассыпается по мостовой  
их выбрасывает на зарезервированный кусок дороги  
как в неогражденный ринг  
на дикорастущий бой

## ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

---

кузов был помят не сильно но  
раздаются первые угрозы  
с тревогой толкающихся в утробе близнецов  
осматриваются вывернутые колеса  
углубления вмятых бамперов

образуются противники  
виновники субъективной правоты  
в ход идут массивные  
самодельные удары с помощью руки

дрожь пробегает в нацеленных телах  
переломленные моменты стимулируются рывками  
переливания крови без шприца  
единство, сотворенное врагами

как два прижатых силуэта живой массы  
они вглубь продавливают синяки  
как парашютисты, упавшие посредине трассы  
на дуэль с дистанцией внутри

случай в городе людей обогащает мир  
жителей бросают в невыдержанные места  
не всегда договоренность засиженных квартир  
обеспечивает спокойствие живого существа

в итоге  
звучит ненужное заключительное слово  
на эвакуаторе увозят сломанные тела  
однажды рассоглашение происходит скоро  
человек не успевает спросить себя

### **ощущение белого**

это настоящее  
настоящий обман  
белое пространство, не искатанное санками  
я зажмурился, выйдя из подъезда  
посеребренная плоская страна

с ростками из столбов и проводами между

слоем седого пепла на остуженной земле  
труп осени, распыленный духами  
мы каждый раз так же рады чистоте  
оттирая вещи до первоначальных состояний

наша одежда более не камуфлирует с реальностью  
мы обнаружены между сугробами по дороге на работу  
мир сейчас не ассоциируется со старостью  
многозначительно молча, снег разыгрывает город

через ночь происходит трансформация  
как неизбежное притяжение к ядру  
белое, разжижаясь, медленно теряется  
как обручальное кольцо в платяном шкафу

и с осознанием неминуемого завтра  
мы рады, сиюминутно рады  
я хожу, леплю снежки и кидаю их в пространство  
на бледном поле недопустимо глубокие следы  
посадочные места для других цивилизаций

мы ломаем ограды, натянутые на дома  
как дураки, задираем руки в небо  
это полезно – быть дураками два-три дня  
мы раскидываемся отраженным светом

это только нужда в неежедневном  
необходимом задействовании воли  
течение кровавых древних рек  
выпрыгивания из сегодня  
маленькие бегства в снег

### free motion

эти эмоции – развалившийся дождь под палящим солнцем  
красивые глаза и наглые поступки  
утонченные и злые, как слишком взрослые  
в пруду ненакормленные утки

толпа – один шумящий самозванец  
я не прячу руки, я готов  
после любви на теле отпечатки пальцев  
ограда из штырей внутри интимных снов

я – придуманное спокойствие  
придуманные слова перед тем как уйти  
привязанный к земле бесконечно тянет за веревку  
ударяясь о потертые углы

это мое  
мой акт смерти после любви  
когда тут снег падает все медленнее  
мы, надев не наши сапоги  
уходим создавать последнее

и в пути ничего не предрешено  
ничего – как перечень общих остановок  
перекати-поле заземлено  
и на шоссе неподалеку не будет пробок

**Александр Коровкин**

\*\*\*

Ветхая книга; дочитались до дыр  
Но выбора нет; стар и обрюзг мир  
Я с тобой, я не во сне  
Вериги остались на дне  
Их грязной зловонной лужи  
Я так счастлив – почти никому не нужен  
Право на выбор, право на труд  
Всё легко, если ты тут  
Ставни раскрылись воздух пошел  
Это значит что всё хорошо

\*\*\*

со временем я выцветая из твоей головы  
я погружаюсь, иду к подсознания дну...

а когда ты пьяная, оплакиваешь мечты  
я нежно поскрипываю скелетом в шкафу

\*\*\*

я почти сдался, почти растворился  
в жадных сказках рекламных плакатов

чувствую постоянную усталость  
опять книги, игры и фильмы  
неужели это всё что мне осталось?  
и та пара из сериала – мы?

## ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

---

\*\*\*

вперед  
за двадцать восьмым поворотом  
очередным  
миллионы замков ждут моих рук  
чертовски верно подмечено  
мой милый друг  
через пару лет первые морщины  
не скроют, не спрячут кислой мины  
скучнее, гаже, нечем дышать  
может, захочу кем-нибудь стать  
лгать и прощать  
то есть - быть человеком  
некуда бежать, нечего терять  
кроме к тебе и тебя



**Софья Ролдугина**

## **НАВЬЯ ДОРОГА**

*Что ты плачешь, девица,  
На холме над полюшком?  
Травы стали горькими  
От печали девичьей.  
Только ветру быстрому  
Ты её поверила -  
    не отцу, не матери,  
Не святым заступникам...*

Зимой темнеет рано. И оглянуться не успеешь - закатится бронзовое солнечное блюдце за махристый лесной край, выползет из-под горы густой сумрак, а стужа озлится еще сильнее и станет уже не просто лицо пощипывать - с размаху оплеухи раздавать. Если не спрячешься, не укутаешься, то покраснеют щеки, а потом и вовсе онемеют. Губы сделаются непослушными - молчи, не смей ночную тишину осквернять!

Скрипит снег под полозьями саней, звенят бубенцы - глухо, из-за шапки почти не слышно. Легко поверить, что на дворе какой-нибудь пышный девятнадцатый век или даже восемнадцатый. И не придумали еще люди ни машин, ни сотовых телефонов.

Впрочем, толку-то от телефона посреди чистого поля, когда до города - триста километров, а до ближайшей деревни... Сколько, к слову?

- Дядя Егор, долго ли ехать еще?

- Да часа с полтора, - горбится. - Не передумал, Сашка? Два месяца в нашей глуши куковать - это тебе не по заграницам гонять балду.

- Я понимаю, но за баб Любой присмотреть нужно, - тянет Сашка, а сам думает, что пропади она пропадом, эта заграница. Вон, какими долгами обернулась - легче отсидеться за тридевять земель, у черта на куличках, чем своей шкурой в столице рисковать. Пока там отец все уладит...

- А что баб Люба? - удивляется Егор и через плечо оглядывается. На высоком вороте иней серебрится, как соболя драгоценная опушка. - Она сама за кем хошь присмотрит. Вона, к ней полдеревни бегают, с любой хворью - любую заговорит-зашепчет.

Любо-дорого смотреть! - каламбурит и сам же над своей шуткой смеется, а Сашка угрюмо натягивает капюшон куртки до самого носа и злится.

- Не шептать надо, а к врачу обращаться. А то так можно до осложнения дошептаться. Ну, что вы, дядя Егор, прямо как в Средние века.

- Фьють! Это что ж, в университетах своих набрался? Думаешь, годок-другой за книжками посидишь и сразу умным станешь? Что б ты в жизни понимал, э...

Сашка хочет возразить, что все он понимает, что он уже на пятом курсе в меде, но дядька Егор уже не слушает - опять песню свою завел. А голос у него зычный, чистый - хоть сейчас в оперу.

*Что ты плачешь, девица,  
Что, краса, печалишься?  
Косы расплетённые  
С ветром перепутаны...*

От усталости, от надоевшего уже беспокойства клонит в сон. Сашка вспоминает, как на третьем курсе рассказывал пожилой, многое повидавший преподаватель, как на морозе люди задремывали на минуту - и больше не просыпались. Конечно, так случается от сильного переохлаждения, а ему, Сашке, тепло - два свитера, пуховик, штаны горнолыжные... Но все равно боязно.

- Дядя Егор... А что это за песня такая?

- Это? - в затылке чешет. - А, это про Глашку, навью тутошнюю. Говорят, что году этак в тысяча восемьсот сороковом она там, на холме, на дубе столетнем повесилась. Без веревки, на одних своих волосах.

Сашка представляет себе, какие это волосы длинные должны быть, и делается ему смешно, хотя история вроде к смеху и не располагает.

- А почему повесилась? От несчастной любви?

- Можно и так сказать, - усмехается Егор в воротник. - Глашка барину полюбилась, а он ей нет. Ну, кто безродную-то девку будет спрашивать? Снасильничал он ее, знамо дело. А она возьми и повесься над дорогой, - он помолчал. - Вроде и померла, но осталась, как живая и такая же красавица. Сидит себе, волосы пальцами разбирает... А потом, как барин ехал мимо, Глашка ему с дуба закричала: "Помнишь меня али позабыл уже?". Тот возьми и ответь: "А ты кто такая будешь?" Ну, покойница и рассердилась. Прыг на него с дуба! Слуги перепугались, разбежались, а когда вернулись - так барин уже бездыханный лежал, а язык на бок вывален, как у повешенного.

## ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

- Жуть какая, - Сашка не врет, ему правда жутко, и смеяться больше не хочется. Даже спать - и то не тянет. Теперь только и делать, что глазами по сторонам зыркать - не покажется ли где силуэт девичий? - Слушай, дядь Егор... А где этот холм с дубом?

- Где? А-а, напужался! - лица не видать, но по всему ясно - довольно ухмыляется. - Не бойсь, Глашкина Поляна с другой стороны деревни, по старой дороге. Там сейчас не проедешь, замело.

А все равно страшно.

Ночь-то кругом колдовская, дикая. Небо - как омут выстывший, звезды - выщерблины на льду, луна - полынья, из которой свет водою льется, льется, льется... На километры кругом снег нетронутый, ровный, белый в синеву - и горящий, как электросварка, нет, ярче, так, что глаза слезятся, слипаются, а в ушах звон, и...

Сашка жмурится и мотает головой. Наваждение рассеивается, уходит, как вода в сухой песок. Померещилось. И случается же!

А потом, когда дорога острым скальпелем врезается в лес, становится не до шуток. Дядька Егор слегка осаживает коней, сани сбавляют ход, бубенцы звенят реже и глуше, но по-прежнему мерно. Сашка, забыв про все, чему учили в университете, прикрывает глаза - так, подремать на минуточку, заснешь тут - с дядькиной болтовней... и едва не вываливается из саней, когда они резко тормозят.

- Тьфу ты, черти, - беззлобно ругается Егор. - Сашка, вылазь, подсобишь - ветка на дорогу упала, надо в сторону оттащить. Видать, от снега сломалась.

Ветка оказывается тяжелой, неудобной - не поймешь, где за нее браться. Зато с этими ковыряниями становится уже не просто тепло - жарко. Дядя еще возится, раскидывая мелкие палки по сторонам, чтоб не мешались, а Сашка отходит в сторону, перекурить.

И замирает.

На обочине, в стороне от порядочно укатанной дороги, там, где снега должно быть по пояс, а то и выше, стоит девушка. Красивая... только как она на таком морозе - и в одной рубаше?

- Ты кто? - выдыхает Сашка прежде, чем в себя приходит. Девушка ступает вперед и вдруг произносит жалобно:

- Барин, а барин... Подари гребешок!

Пальцы на морозе леденеют мгновенно - Сашка и успеваает только разок чиркнуть колесиком зажигалки, как она падает в снег. Но за короткую секунду, пока трепещет язычок пламени, успевают глаза различить белое лицо и спутанную волосяную кудель - длинные волосы, концы по снегу тянутся, как лисий хвост. Рыжие такие же...

- К-какой еще гребешок?

Губы не слушаются, замерзли, язык заплетается, и самому-то не понять, что сказал. А девушка - глядь! - уже ближе подошла, вплотную почти, и едва-едва не плачет:

- Барин, подари... пожалей... мне волосы расчесать нечем...

Совсем уже рядом стоит, руками за плечи обвила, как плющ - высокое дерево. Смотрит снизу вверх, глазищами хлопает. А в них ничего нет, одна чернота сплошная, как в колодце. Девушка легкая, как птица, и жар от нее идет.

"Руки бы согреть", - думает Сашка, и пальцы уже сами тянутся к теплу. По спине провести, по волосам спутанным...

- Нет у меня гребня, - есть расческа, но она далеко, в чемодане, а чемодан в санях, а сани где? Потерялись... - И вообще, такое не расчешешь, только отстричь можно.

И только сказал это, как зашевелились волосы, будто живые. Змеями поползли - вверх, вверх, грудь сдавили, шею обвили, в рот набиваются... Сашка вздохнуть хочет - и не может, задыхается, и отчего-то так горячо делается, будто в легких у него живой огонь полыхает. А в ушах плач стоит жалобный:

- Барин, подари гребешок... Худо мне!

И оттолкнуть бы ее, да руки в жгучих волосах намертво запутались. Горят, словно пламя горстью черпаешь. Нету сил на ногах стоять, все закончились. Звон в голове, и льнет к спине укутанная дорога...

- Гляди ж ты, почувствовался! Ну-кась, глотни...

Губы растрескавшиеся тяжело разомкнуть, но пить хочется. Пусть бы и такое, солено-терпкое.

Жарко.

Сашка открывает глаза и видит белый бок печи, бревенчатый потолок, стены, травяными косами увешанные, и старуху. Седые волосы торчат из-под красного платка, глаза щурятся, а на щеке, к скуле ближе, коричневое родимое пятно.

- Баб Люба?

Хмурится недовольно - и все лицо у нее сморщивается разом.

- Неужто признал, касатик? Ай-ай! Вот дела! - бабка шутить изволит. - Говорят, за мной смотреть приехал, а самого второй день лихорадка гнетет. Тьфу, все запасы на тебя, окаянного извела...

Ворчит-то она ворчит, а питье исправно подносит. И глаза тревожные - беспокоилась. Все-таки родная кровь, сестрин внук.

- Баб Люб, а баб Люб... Правда, что у вас навья за деревней живет?

## ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

- А то не твоего ума... - начинает знахарка и осекается. Лицо у нее делается перепуганное, но уже через мгновение она продолжает ворчать, словно и не случилось ничего. - Вот ведь дурень, что удумал - на морозе спать. Еще и не такое пригласится! На другой раз, небось, не навью увидишь, а черта, не к ночи он будь помянут...

Сашке делается стыдно за свои горячечные кошмары, хоть он и знает, что в бреду и не такое может привидеться.

А еще его клонит в сон. Опять. За окном ночь опять, только не ясная, как тогда, а ненастная - метет, воеет. И чудится в этом вое то ли плач, то ли песня дядькина:

*Что ты плачешь, девица,*

*Что, краса, печалишься?*

А чья-то ласковая рука распутывает на затылке свалявшиеся от болезни пряди и шепчет кто-то:

*Красивый, красивый... Не надо гребнем откупаться - оставайся со мной, барин...*

### **ВЕРЕТЕНО**

Про избу, что на отшибе стояла, недоброе говорили. Да и про хозяйку саму - не меньше. Что, мол, если забредет на огород ее какая-нибудь скотина, коза, там, или корова - непременно потом заболеет. Ребяшня босоногая за подвиг почитала ночью через плетень перемахнуть да заглянуть в окно, а то и до утра просидеть под ним, в три погибели скорчившись. А потом рассказывать, что до рассвета лучина горела, мол, да жужжало колесо прялки.

Но если приключалась с кем хвороба, немочь нападала - все одно, за Белый Яр шли да уже от калитки начинали кланяться и просить:

- Не оставь, Меланья, помоги! Занедужил дед, не встает с полатей!

Никогда еще хозяйка не отказывала. Бывало, и дело на середине бросала - хлеб недопеченный, скотину недоеную, избу неметеную - так и шла сразу.

Придет, травок заварит, побормочет что-то - глядишь, и отступит хворь.

Те из просителей, кто поумней, сразу предлагали в ответ воды наносить, или дров нарубить, или порог покосившийся поправить. На пироги зазывали, угощали лесными ягодами и медом. Меланья подарки с поклоном принимала, за услуги благодарила - и расходились все друг другом довольные.

Но стоило кому-нибудь о плате хоть словечко проронить или кошель с медью сунуть, сразу хмурились брови, губы в нитку поджимались:

- Ничего мне не надо. Смогла - помогла. Все ж люди...  
Словом, хоть и говорили разное, но любили хозяйку, а за глаза звали - наша Мила, и в обиду чужим не давали. А летом и осенью, когда муж ее в дружине за князя воевал, частенько заглядывали - по хозяйству помочь.

Так и жили.

Лето в этот раз выдалось сухое, дымное, запыленное. Поговаривали, пшеницы мало уродилось, яблоки в садах еще в завязи наземь попадали, грибов в лесу - тех и теска не наберешь. Но белоярских напастей миновала. В низине земля не так уж сохла, а может, пряжа, в колодезь брошенная, Мокоши подношение, помогла... Кто знает. Все одно - голода не боялись. Но то у Белого Яра.

В других местах куда хуже было. Кое-где, слухи ходили, и вовсе дома по сухому времени от искры или молнии, как пакля, запылились - целыми деревнями выгорало. Кто выживал - в город тянулся, там всяко работа есть, а значит, и крыша над головою, и миска похлебки. Иные же, которые к зверям поближе, в кучи сбивались и грабить шли своих же соседей, что поудачливей. К таким вот волчьим стаям порой вожаки примыкали - люди лихие, разбойные.

Хоть и были такие подорожные вольницы небольшие, человек по десять, но боялись их похлеще мора.

Потом, правда, полегче стало. Сжали пшеницу, в снопы связали, смолотили... Как урожай отпраздновали-отгуляли - дожди полили. Белоярские больше по избам сидеть стали, кроме Меланьи. Она-то, почитай, каждый вечер на дорогу выходила, с холма глядела, милого своего ждала. Что дождь, что ветер - ей все одно.

Потому-то первая незваных гостей и заметила.

...Эта "волчья стая" не такая уж и большая была, всего-то пять человек, да больно вожак оказался грозен. Хоть и седой, а при сабле, через всю рожу рубец страшный - с таким и мать родная не узнает. А глаза-то... Как колодезь с гнилой водой. Сразу видно - такому человека загубить, что комара прихлопнуть. Да и остальные ему под стать - злые, но тихие, едут на лошадях молча, только сбруя бряцает.

И зоркие.

Хоть и дождь лил, а все ж девичью фигурку у камня заметили.

- Ты чья будешь? Белоярская?

Голос у вожака хриплый оказался - будто ворона закаркала. Так бывает, коли горло в драке перешибут, но не насмерть, а так, чтоб зажило потом.

- Белоярская.

Сощурился вожак, знак своим прихвостням сделал. Тронули они поводья - лошади встали полукругом.

## ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Позади - камень холодный, впереди - конское дыхание шумное. Тут и парнишка-то не проскользнет, не то, что девка с юбками до земли, в платке намокшем. Однако ж стоит - глаза не прячет, только губы побелели.

- Коли белоярская, может, и дорогу к деревне покажешь? Погорельцы мы, люди бедные. А у вас, говорят, богато живут... С каждого двора по горсти серебра - авось не обеднеете. Так?

Говорит с издёвкой, глумливо. И эти, рядом, ухмыляются. Самый молодой еще и взглядом под платок норовит забраться. А в деревне хоть и не бедствуют, а лишнего мешка зерна нет, не то, что кошеля с серебром. Где-то свадебку по осени играть собрались, где-то дети малые...

Меланья голову подняла, прямо в глаза вожаку взглянула.

- Отчего не показать. Покажу. Только с утра. Дорогу размыло. И пеший ноги переломает, по темноте-то, а уж конный...

Оглянулся вожак, привстал в стремях. И правда, солнце-то уже садится, а дорога вниз идет. Коли здесь под копытами месиво, то что там-то будет?

- С утра, говоришь... - щерится. - А сейчас - назад поворачивать прикажешь?

Думал - стушуеться, а она только плечами пожала.

- Зачем же сразу - поворачивать. Моя изба на отшибе стоит - вон, у леса, по тропе. Коли дров нарубить поможете, в сарай пушу на сене переночевать.

Захохотал вожак:

- Может, и накормишь еще?

- Накормлю, ежели щами постными не побрезгуете.

Тут уж задумался седой. На юродивую девка не похожа, а живет на отшибе

- видать, не любит деревенских, да и они ее тоже. Может, отомстить кому хочет? Али не понимает, кто пожаловал?

Потом рукой махнул. Никуда деревня не денется, а ночью на колдобинах и впрямь можно ноги коням переломать. А девку на ночь связать можно, чтоб не побежала к своим, не предупредила.

- Уговорила, - усмехнулся. - Показывай дорогу, - и кивнул своим дружкам.

Думал вожак, заведет их девка в болото, однако ж не обманула она - в избу зазвала. Коней под крышу пристроила, к своей скотине. В печь сунулась - и вправду горшок щей вытащила.

Вожак удивился:

- Надо же, не соврала!

- А чего врать-то? - девка все так же плечами пожала. - Вас я накормлю, глядишь, и мужа моего на дальней стороне куском хлеба не обделят.

"Так вот оно что, - смекнул вожак. - Суеверная. Бойтся за благоверного, потому людям не отказывает". А вслух сказал:

- Как звать-то тебя, блаженная?

- Меланья я. Деревенские Милой кличут.

Ровно ответила - хоть бы раз голос дрогнул.

Поела вольница подорожная - и повеселела. Это на ветру, на дожде легко вид суровый держать, а попробуй в тепле и сытости хмуриться. Разговорились, конечно. Кто-то байки травит, кто-то хохочет, кто-то на Меланию глаз положил - фигура-то у нее видная. Да и сама она, верно, хозяйка хорошая - в избе порядок, чистота, прялка - и та затейливо украшена. Только веретено старое, потемневшее.

- Так как - дров не нарубите?

Вожак про себя усмехнулся - и не боится спрашивать. Вот ведь смелая!

Или глупая?

- Вот вернемся из деревни завтра - и нарубим, - хохотнул. - А пока радуйся, что хоть тебя не тронули.

Пугает - а ей хоть бы что. Только косу потерявила черную.

- Благодарствую и за это. Коли сами работать не желаете - мне-то хоть разрешите? - и на прялку кивнула.

Шайка хохотом грохнула. Ишь, работающая! А вожак только рукой махнул.

- Иди, пряди. Кто ж тебя не пускает.

Села, по кудели рукой провела... Колесо крутанула тихонечко - нить потянулась. Молчит Меланья, трудится, будто никого больше вокруг и нет. Только напевает вполголоса, а что - не разобрать. То ли причитает по-своему, по-бабьи, то ли просто бормочет, что в голову взбретет.

Тянется нитка длинная,  
Тянется ночка долгая,  
Ай, госпожа небесная,  
Выгляни из-за тученьки!  
Ты из недобрых помыслов  
Нити прядешь шелковые,  
Сны навеваешь горькие,  
Веки смежаешь дремою.  
Али ты младшей дочери  
Нынче откажешь в помощи?  
Али ты сны тяжелые  
Злым не навеешь врагам?

Долго ли, коротко ли - стих дождь. Разбежались тучи, посеребрила луна листья мокрые, траву и плетень дальний. Нахмурился вожак: хоть пили все простую воду, но захмелели, как от вина. Один глаза закрыл, сонный. Следом за ним другой на руки сложенные голову уронил.

## ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

---

А Меланья знай себе нить из кудели тянет...

Отяжелели у вожака веки, свинцом тело налилось. Лунный свет из-за ставней в глаза бьет, и чудится разбойнику, что распустились у хозяйки косы, до самого пола свесились волосы. Веретено растет, все больше и больше оно, скоро уж в рост человеческий делается...

Встала Меланья с лавки, подошла к тому разбойнику, что у самого края спал - и рукой по голове ему провела. Потянулась к веретену тоненькая ниточка. Закрутилось оно снова, да только уже не кудель прядет - плоть человеческую.

Распахнулось окошко, лунный свет заливает горницу, будто молоком. Тихо поет хозяйюшка...

Тянется ночка долгая,  
Тянется нитка длинная,  
Ладно работа спорится,  
Будет обнова милому.  
Кожа и кудри буйные  
Мягкою станут пряжею -  
И рукавицы на зиму  
Сделаю я любимому.  
Белые кости прочные  
Нитками станут крепкими,  
Буду я ткать без устали,  
Кунтуш сошью для милого.  
Нити из плоти мягкие,  
С шерстью овечьей схожие.  
Коль полотно я сделаю -  
Только кафтан получится.  
А напоследок милому  
Выпряду я из кровушки  
Алого шелка яркого,  
Будет рубаха к празднику.

Спряла одного разбойника - к другому обернулась... Последним вожак остался. Зацепила от него нитку хозяйка - и вздохнула.

- Что ж ты пошел за мной, человек? Али не видел, что тени я не отбрасываю? Али не заметил, что под дождем на мне платье сухое было, только платок вымок? Зачем тебе злоба и жадность глаза застили? Не ходить тебе по деревням больше, не требовать серебра, не пугать чужих жен.

Радуйся, что не сестре моей под руку попался - та и вовсе заживо прядет.

Сказала так - и рукой по глазам его провела. Уснул вожак вольницы подорожной, спряла его хозяйка - а он и не почувал.

Ночь миновала, утро и день. А вечером пастушок в деревню вернулся радостный - лошади на луг забрели. Без сбруи, без подков - совсем ничейные. Долго спорили, что с находкой делать, да потом староста велел Меланью позвать. Ее, мол, дело сторона, как скажет - так и будет. Только раз она глянула на лошадей и посоветовала:

- Продайте и деньги поделите, что тут судить...

А как грянули морозы, инеем ветки расписали - воротился муж Меланьин, любимый да ненаглядный. Многим друзьям чужеземные гостинцы привез, а самые богатые - жене своей верной.

Да только она сама его встречать с подарками вышла. А он смотрит, обнимает ее и смеется:

- Краса ты моя ненаглядная! Хоть сирота, а такая рукодельница - как не вернись домой, каждый раз меня обновкой радуешь!

### НА ОКРАИНЕ

Клауд Хайфе - сновидец.

Чаще всего он выбирается из постели только к трем пополудни, после того, как напольные часы в прихожей отыграют старинную мелодию. Сначала - долго шуршит в спальне одеялами и подушками, рассеянно ищет под кроватью тапки, в шкафу - свежие футболки и шорты; возится шумно, но отчего-то уютно, как будто ёж в опавших листьях или мышь в чулане. И только потом он заходит в кухню, сонно щурясь и растирая скулы до нежного румянца. Футболки Клауду всегда велики - он не умеет выбирать одежду - и сползают с одного плеча; в вырезе, между ключицами, болтается сухой жёлудь на коричневом шнурке.

- Боже Святой... - бормочет Клауд, садясь за стол, и роняет голову на сложенные крестом руки. - Как я устал...

Клауд Хайфе рыжий.

Нет, не той апельсиновой рыжиной, как у крикливых уличных мальчишек; и не той, медной, как у молодых ведьм, вроде меня. Он рыжий, как осень на пастельных картинах - мягкий цвет, приглушенный, но теплый. Волосы прямые, легче паутины, и потому пушатся в разные стороны, особенно со сна.

То есть - всегда.

- Приготовишь завтрак? - просит Клауд неразборчиво, не поднимая головы. - Ну... как обычно.

## ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

---

И всегда, не дожидаясь ответа, добавляет виновато:

- Спасибо.

Никому из обитателей дома не нужно уточнять, как это - "обычно". Стряпать умею и я, и Грета, и Карстен, хотя у Греты, конечно, получается лучше всех. Но для Клауда, кажется, разницы нет - он с одинаково ясной улыбкой принимает стакан молока, подогретого с четвертинкой ванильного стручка, и ломоть горячего еще хлеба и от меня, и от нее, и от неумехи Карстена.

Горелые корочки, если они попадают, Клауд потом высыпает в кормушку на балконе - для птиц.

Из кухонного окна видно Окраинную площадь, и больничную часовню, и реку, и холмы - зимой они белые, застывшие в тишине, летом - иссиня-зеленые, медовые, звенящие от птичьего пения и стрекота цикад. Клауд подолгу разглядывает пейзаж, но выходит на улицу редко - усталость сказывается. Правда, осенью мы с Карстеном все-таки отвели его в рощицу за холмом. После этого на подоконнике появились каштаны, целая горка - глянцевого, красноватых. Они до сих пор еще лежат, но некоторые сморщились от сухого тепла.

Клауду Хайфе двадцать шесть лет, он выглядит на шестнадцать, но вряд ли доживет хотя бы до тридцати. Это из-за его работы. Все люди во сне отдыхают, а Клауд, наоборот, истощает накопленные днем силы. Карстен как-то объяснял мне, почему так происходит, но я не поняла - ну, да куда там простушке Ренате до настоящего ученого...

Грета - она тоже из простых, но раньше у нее был ресторан в столице, а еще дочь училась на врача, поэтому Грета как бы посерединке между мной и Карстеном.

- Понимаешь, какое дело, - вздыхает она, когда я спрашиваю ее о Клауде, и тяжело опускается на табуретку. Изогнутые ножки скрипят под весом тучного тела. - Если просто сказать... Я вот вижу ночью сны, но не всё время. И ты, и Карстен, и все люди. Это только кажется, что сны долгие, а на самом деле они и минуты не делятся, и почти всю ночь мы лежим в темноте и тишине, и голова отдыхает от мыслей. А Клауд видит сны все время; и не только видит, но и показывает их другим.

- Тем, кому уже ничего, кроме снов, не осталось, - тихо добавляет Карстен.

- Он дарит им хотя бы сны.

- Только хорошие?

- Волшебные. Это еще сложнее...

И мы, как по команде, глядим в окно. Не на холмы и не на реку, не на площадь и не на молчаливую часовенку без колоколов. На хоспис.

Грета прерывисто вздыхает.

Я работаю в доме Клауда Хайфе уже пять лет, Грета - четыре года, хотя нам не полагается за это ни марки. Карстен появился прошлой весной, и мы надеемся уговорить его вернуться в столицу. Молодой еще, женится...

Никто из нас никогда не спрашивает, почему Клауд стал сновидцем. И где его семья.

А еще мне никогда не снятся родители, как Грете - дочь, а Карстену - жена. Клауд не сознается, но, думаю, это тоже его заслуга.

### Наталья Лыжина

Родилась в 1996 году. Учится в 10 классе 67 лицея города Тольятти. Публиковалась в интернет-журнале "Пролог".

#### Осень

Воздух пахнет землей... Одиноко  
Крышу дом наклоняет к реке,  
Шелестит под ногами осока,  
Пламенеет вода вдалеке.

Вечер. Хлюпает грязь, очень тихо  
Дышат сонные листья... потом  
Сумасшедшим оранжевым вихрем  
Окружат облупившийся дом.

От заката до зорьки устала  
На веранде альбомы листать:  
Мы вдвоём у куста краснотала  
На единственном фото из ста!

Черной рамкой, знакомым портретом  
Пустота обжигает мне грудь:  
Мотыльком, очарованным светом,  
Мчусь за тем, что уже не вернуть.

Дрогнет воздух, изломанной ветвью  
Небо вспорет огонь... Снова тишь.  
Ветер пахнет дождем, значит где-то  
Капли точат углы старых крыш.

#### Дай мне силы

Дай мне силы забыть всё, что было и будет.  
Разве можно: за серость обыденных дней,

За обрывки небрежно истрёпанных судеб,  
Год от года любить жизнь сильнее и сильнее?

Каждый шаг, каждый след на губах - горьким пеплом,  
Отпечатком на сердце, морщинкой у глаз.  
Но я снова страдаю, всё так же нелепо,  
От любви, что сжигает меня и сейчас:

Затаилась по венам, туманит рассудок,  
Ей одной я обязана ядом в груди.  
Дай мне силы забыть всё, что было и будет,  
Дай мне счастье не знать, что ещё впереди!

### **Чтобы помнили!**

Надо мной шелестят тополя,  
Снежным пухом по тропочкам стелятся.  
Слышишь вдох? Это дышит земля,  
Так воздушно, что даже не верится.

Словно крылья, трепещут листья,  
То вспорхнут, то ложатся измученно.  
Обелиску поклонись ты:  
Всем погибшим в боях за излучину.

Тишина пропитала стволы,  
Дождь вишнёвый к подножию бросится,  
Горьким запахом свежей смолы  
Льётся хвойная разноголосица.

Поминальный разносится звон,  
Воздух тёплый молитву нашепчет.  
Пал в бою - не всегда побеждён.  
Так случается. Так будет вечно.

Преклонятся в коленях цветы,  
Ивы реку слезами наполнили.  
И на камне шершавом, в ряды  
Имена. Чтобы знали и помнили!

### Память - это сито?

Всё на свете так же, как недавно:  
Паутина лжи и стрелы сплетен.  
Просто жизнь жестока и коварна,  
Просто нет тебя на этом свете.

Я не стану плакать и молиться,  
Голос мой надломленно не треснет.  
Просто вдруг пойму, что мне, как птице,  
Жить нельзя без крыльев и без песни.

Вот и всё! В душе кольнет металлом.  
Не подумай, я в любовь не верю.  
И надрывно всхлипывать не стану,  
И не стану ждать под этой дверью.

Просто смерть. Мы даже не знакомы.  
По ночам печалиться не буду.  
Пустота не встанет в лёгких комом.  
Память - это сито - я забуду.

Слёзы? Нет, сказала же, не плачу -  
Это дождь, а мне всё параллельно.  
Друг для друга ничего не значим,  
Только сердце жжёт почти смертельно.

Всё пройдет. Спишу на бритву раны,  
А осипший голос - на простуду.  
И у ног твоих рыдать не стану.  
Память - это сито... Я забуду?..

**Олег Августовский**

Родился в 1993 году. Настоящее имя - Спиридонов Олег. Живет в городе Ульяновске. Студент-медик и будущий детский психиатр.

**Икар, Гагарин и драконы, или два взгляда на Любовь**

«Любовь – это приятное время между знакомством с прекрасной девушкой и осознанием того, что она похожа на треску».

**Джон Бэрримор**

Из тех я, кто движим инстинктом сгореть.  
Из той же породы, что были Икар и Гагарин.  
И даже алкаш дядя Федя в соседнем дворе  
В кишечника петлях своих костёр кочегарит.  
А мне бы те петли на шею, да узел потуже,  
Жизнь тщетна, коль нету искры, и спички намокли.  
Без пламени я, как горох среди перин и подушек:  
Принцессы носы воротят,  
Ну а принцам – подавно не нужен.  
Я хочу умереть как дАрк или астроном Бруно,  
С искрою в глазах, разжигающей пламя в ногах.  
И, хотя, может быть, я, в основном, и вру вам,  
Но взаправду нашлась Та,  
Что разжечь мое пламя смогла!  
Вот она, мой Прометей, укравший факел с Олимпа,  
И зажёгший меня изнутри, я влюблённый безумно.  
Мне не надо углей и брёвен.  
Достаточно взгляда-соринки,  
Чтобы я воспылал до небес, словно новый Везувий!  
Но Феникс не восстает из праха огня,  
Ведь его посчитали за курицу, сунули в гриль.  
Я никак не избавлюсь от страха её приобнять,  
Боюсь, отпустив, увидеть одни лишь угли.

Драконы не виноваты, что дышат огнём,  
Не виноваты, что близких огнём тем сжигают.  
Возьми меня за руку, милая,  
И мы вместе с тобою шагнём  
В кострище любви.  
И сгорим, друг друга ладошки сжимая.

День.  
Такт.  
Тик-так.  
Сердце.  
Удар.  
Падение.  
Ведь я упал в никуда.  
Бомба взорвалась в моем теле.  
День-ночь. Ты где?  
Ветер задул все наше пламя.  
Как можно жить, другу друга теряя?  
Я не знаю...  
И вот наизнанку вырвалась сущность.  
Тебе со мной, ангелом, было ли скучно?  
Теперь Мефистофель с тобой поиграет.  
Вот мой контракт. Кровь течёт по спирали.  
Подпись поставлена, дата назначена.  
Девушки любят отношенья прозрачные.  
Свадьба, и цель её явно готова,  
Теперь, дорогая, скорее готовить.  
Скорее детишек качать в колыбели.  
Не спать после ночьюю.  
И вот мы стареем.  
И вот ненавидим друг друга за годы,  
Что провели на печатной основе.  
И дети с тобою нас вовсе не любят,  
Мать – пристаёт к ним, отец их – ублюдок.  
Что ты мне скажешь в раскладе таком?  
Душу ты зря выставляла на кон,  
И нелюбовь приведет тебя к дьяволу,  
Вот он, Я – демон, где же Я – праведник?  
Знаешь, контракты и я ненавижу.

Знаешь, любовь для меня – нечто выше.  
Знаешь, не нужно будить во мне зверя,  
Пока в Любовь я всё еще верю,  
Знаешь, любимая, выброси лезвие,  
Что вдруг за мысли такие полезли?  
Стой, погоди, дай тебя мне обнять!  
Обмяк...  
Потух.  
Нет больше огня.  
День-ночь. Ты где?  
Бомба взорвалась в моем теле,  
Ведь я упал в никуда.  
Падение.  
Удар.  
Сердце.  
Тик-так.  
Такт.  
Ночь.

### **Татьяна Федосеева**

Родилась в 1998 году. Учится в сш. № 58 города Тольятти. Занимается в студии «Юный журналист».

#### **Былина.**

Мимо славного города Тольятти  
Проезжал русский богатырь Владимир Путин.  
И решил он в город заехать,  
Посмотреть, что в городе-то делается.  
И увидел он там улицы красивые,  
И людей, спешащих по делам своим.  
Побывал Владимир на базарчике,  
На базаре-то на рынке на тольяттинском.  
Там увидел он товары заморские,  
Да и русские товары, и китайские.  
А потом зашёл он в школу-то,  
Прямо в школу 58-ую ведь!

И увидел Путин, что хорошие  
В этой школе дети учатся.  
И пожаловал он каждому подарочек,  
И сказал он:  
"Это лучший город, что я видывал!".

### **Лошадь**

Быстрая лошадь весело мчится  
В город в больницу большую лечиться.  
Сотую улицу враз пробегая,  
Вот уже видит улицу Гая.  
Вот заскочила лошадь в больницу,  
Очередь видит и лекаря-птицу.  
"Вы здесь двадцатая",-  
Скажет ей вдруг  
Кошка усатая:  
"Ждите, мой друг!"

### **Ксения Давидюк**

Родилась в 2000 году. Учится в лицее № 67 города Тольятти. Занимается в студии «Юный журналист».

### **Необычная встреча.**

Ворон тёмный, ворон мрачный  
И какой-то неудачный:  
Перья выдраны совсем,  
Ноги кривы, крылья редки.  
И волнуются соседки:  
«Что же с ним произошло?»  
Вот я ворона встречаю,  
В нём я сам души не чаю  
И с чего бы это вдруг?  
Ведь калека он, не друг,  
Ворона я забираю,  
В клетку мрачную сажаю.  
Вдруг, раскрыв свой клюв, он молвит:

«Да, спасибо вам на этом,  
Но сказать хочу поэтам,  
Что не смеете меня  
Удержать вы не тая.  
Я кричать и виться буду  
И про сон про твой забуду,  
Отпусти меня поэт,  
Я лететь хочу на свет,  
Иль ты хочешь себя мучить?  
Отпусти меня сосед,  
покрою я белый свет».  
Я в раздумьях постоял  
И крыло забинтовал,  
Отпер клетку я в мгновение.  
Всё. Как не было виденья.

### **Журнал.**

Купив журнал, я мчусь домой,  
Чтоб насладиться тишиной,  
Чтоб быть наедине с собой  
Чтоб пять минут побыть такой,  
Какой не зрит никто другой.  
Я рада, что пришла домой.  
Журнал, ты для меня такой родной.  
Я, пролистнув страницу, мчусь в покой:  
Туда, где никому меня не отыскать,  
Там буду я плясать и тосковать,  
Там буду я играть и спать,  
Смотреть картинки и копать,  
Что было там, что было тут,  
И лишь потом меня найдут.



## Татьяна Зоря

Из цикла “Времена Года. Лето”

## Сказание о бесконечном лингаме Шивы

*В сто сорок солнц закат пылал,  
В уголь коптилось лето,  
Была жара, жара плыла – на даче было это.  
В Рождественно-селе: где села в лужу нонешним-то летом...  
Итак, сюжет “про это»*

Жил-был татарин Нияз. И соседом по даче оказался он нашим. Сын Нияза старший, как и отец, стал врачом. И отец хвалил сына: - який, мол, сынок, то есть – хороший, толковый врач получился из сына. Гордился. К тому же, еще и овладел массажем Эльдар лечебным.

В разговоре промелькнуло как-то, за “общепитом” – обедом “на лоне”, на фоне участка нашего дачного – с мавританским газоном и голландскими розами, за поеданием шашлыков с кетчупом “чили” жгучим и возлиянием питья на Единой Руси: без шовинистических замашек жидовских “око за око, зуб за зуб” – будь vendetta неладна и проклята (вовек и поныне).

- Дети ведь за праотцов не отвечают своих: Татарской Орды “янычаров” злых, типа чеченцев.

Про массаж я запомнила информацию и на заметку взяла, к случаю... позвоночником маясь... тем более, мы и баню почти достроили на участке. А я уже давно думку имела: научиться массажу классическому. Сама-то училась я бесконтактному – пассами давление снимала высокое и головную боль устраняла.

Подловила я сына Нияза как-то на нашем участке (в 12 соток), пока он “шланговался” без дела, чтоб поговорить на тему вышеозвученную, пока “в аут” он не ушел и не “выпал в осадок” толь Ramazan, толь Байрам отмеча.

Но оказалось, что не на того я брата напала, который был нужен мне в это время – младший сын Нияза, закончил ин-яз, факультет германо-романской языковой группы. По “France” и “English” он шпрехал. И с вопросом к Эльдару меня отослал, который в этот раз не приехал...

## ОКРЕСТНОСТИ

А я, чтоб разговор закончился как-то по-светски, аналогично – как у англичан про погоду сперва – возьми да и ляпни в этот момент: что языками я занимаюсь, мол, тоже, но как любитель (хоть и со стажем) с детства еще – со школьного возраста, с 6-го класса.

А Брат-Два как-то косо (иль тупо?), уже доходя до кондиции, посмотрел на меня без улыбки и спросил:

- Массаж?

- Лингвистикой, - поясняю. Мол, хобби у меня такое. Как Льва Успенского книгу “О чистоте русского языка и речи”.

И тут до меня дошло (в меру моей неиспорченности) какой конфуз получился и что я “косяка” запорола на почве (а впрочем...), ведь слово *lingua* переводится как “язык, бог, царь” и “половой орган” (наверное – от корня “длинный”).

И получился в итоге незамысловатый стишок из казуса. Но главное, что не длинный, и в *limit* он вложился, в Прокрустово ложе – *lingam* бесконечный Шивы блудливого.

*Parle vu France? Do you speak English? Sprechen sie Deutch?* Я ж ни хрена не лопочу по иноземному-то! Это – к Дамиру, с дипломом ин-яза, сыну Нияза – запомнила уже! Ху из них ху, из братьев? *Mutter* твою! Семь раз отмерь, прежде чем брякнуть, трёкнуть иль вякнуть всеу... не к месту будь сказано... конкретному. Ведь слово – не воробей! Вылетит – не поймашь (Вот тебе бабка и Юрьев День).

Под занавес... а впрочем – с казусами жить прикольнее и веселей. Смех и улыбка жизнь продлевают.

### Саранча летела-летела и села

Двадцать второго июля, ровно в четыре часа... но не утра, полуночи, мой котенок сожрал саранчу... на огороде поймавши и со страшным предвестником этим, как фашизм “Мирового Зла”. “Зеленой чумы, жрущей все злаки под корень! Чу!” - как сказал бы биолог Стрижев в издании “ЧИП” – “Человек и природа”.

А вот и еще одна особь из класса (рода и вида) членистоногих кузнечиков – на огороде по стеблю ползет экземпляр... и еще даже больше прежнего... “и чудище обло” - поп бы добавил православный.

И звонарь в набат бы ударил, на борьбу с саранчой собирая остатки крестьянства. Как вид – почти истребленная каста вредителей, кулаков, мироедов, стяжателей. И давно их пора занести в Красную Книгу. Этнограф сказал бы “деликатес дикарей” какого-то там Зимбабве, Мозамбика, племени “Вуду”.

Рыбак оживился бы “Эк! Добра наживка на крупную рыбу: акулу, макрель, барракуду. Блин буду – не вру! Не рыбацкие байки. Хемингуэя читал на досуге. Жаль в Волге не водится фауна эта”.

А в глазах моих возникают картины ужасные из кинохроники советских лет – людей скелеты, кровь в жилах холодающие. И висят плакаты художника Моора на тумбах и заборах с призывами “Помоги!” во время голода в Поволжье. И взгляд исподлобья полубезумный женщины истощенной, худеющей.

И вопрос возникает насущный, резонный: отзвуком – “пепел Клааса” стучит у поэта в груди, у прослойки межклассовой, что на знамени не обозначена нашем – с символикой серпа и молота.

Но – мир посередке раскололся надвое, и трещина сквозь сердце поэта и гражданина прошла. Так по ком же звонит колокол так надрывно? А может это уже и есть Конец Света, и грядущее стало уже настоящим. А то – жили все в будущем, в будущем, о прекрасном мечтая. Пятилеток шагая саженьями и прыгая через формации, как через лужи мячик футбольный. Как саранча, как кузнечик прыгучий – в нашей-то буче. Мы – кузнецы, сталевары мартенов, и дух наш молод. Куем мы от счастья ключи. И птица-тройка мчит нас куда-то.

И мерещится хруст челюстей мне зеленых кузнечиков, большеньких и жирненьких, для кого-то съедобных и вкусных – на сковородке поджаренных, словно свиные шкварки, любимое блюдо хохлов – украинцев.

И заглушает хруст челюстей мощных, как в американском блокбастере – звон колокольный зауспокойный по всему-то земному шару. Ужасики – как мультики виртуальные, и мальчики кровавые в глазах. И хор херувимов на “антресолях”, и solo солиста-херувимчика – мальчика-ангелочка, кудрявенького, с крылышками пушистыми. “О мама-мия!”. И мама-икона, Мадонна-вселюбящая, всепрощающая, всескорбящая. И я умиляюсь, опиумом усыпленная православного храма.

И не Хемингуэй, “старина”, вторгается тут в быт мой сельский (вынужденный) – нотой тревожной, вопросом гражданской позиции: так по ком же опять звонит колокол? – в обители монастырской, обетованной. И за Идею какую солдатики-пешки в землю ложатся? За Красный Марс? За Андромеды Туманность?

И, утомленная Солнцем, бегу с огорода. Поспешно – “Ну и жара!” – в июле, соль глаза разъедает. Взяла я тогда, да и вылила два таза воды на себя холодной. Сосуды свои расширила, сознание свое углубила. В церковь ходила уже вечером, когда жара спадать стала. И свечку поставила за упокой всем душам, павшим душам.

И пришло ко мне осознание того, что звон собирает на “праздник, который всегда с тобой”.

## ОКРЕСТНОСТИ

Победой над низшим и низменным, недостойным “Венца Творения”. Коли ты православный истинный, а не католик какой, кареллан, сектант секты другой, еретик, басурманин, язычник, иль из жидов изгой...

А котенок же мой (вот проказник – воистину!) уже увлечен стрекозой.

Ой! Червячок размазан по асфальту моей ногой. И набатом в мозгу возникло: “Не убий! Не убий! Не убий!” (комара-кровопийцу рыбак – оставишь без ужина пташек). Оглянулась по оси вокруг я - “Грин Пис” не следит ли за мной, чтоб предъявить мне статью за жестокое обращение с фауны представителями божьими всякими? И облегченно вздохнула – на этот раз пронесло!

“Грин Пис” под горою Могутовой защищал меловые отложения от варварства Rашен нашей, бывшее дно Paleo океана, чем наши горы Ур-Тюбе (древние Жигули) были когда-то. Эволюции все этапы, прошедших эпох – Перми, Юры и Соцреалима. С девизом “Даешь! ГОЭЛРО! Стране нужен ток! Заводам, фабрикам дымным – чтобы Россию вырвать из мглы, надо ее сначала вздыбить! То есть поставить на попа».

И зачалось тут великое Строительство дивное в горах наших древних. И стал осуществляться Госплан, ниспосланный Лениным – кремлевским мечтателем и первым мужем Крупской Надежды. И Россия восстала как феникс из пепла. А чего это стоило – то в архивах доселе хранится – как покоряли Сибирь, Енисей,

А причем саранча-то? Да как-то так, как-то так, как-то так... ассоциаций путем неведомым... и нейронных клубков Приады иль паутины Арахны. Лабиринт Минотавра... В общем, тот, кто видит иль слышит, тот в жанре своем и пишет. Про то и про это – вирши, куплеты, памфлеты. И на гора выдает, блюдя законы лимита при этом.

Ну чё, закругляться пора мне – Зоря Татьяна, работник пера (незабвенный в потомках, надеюсь, ищущих перлы во фракциях окаменелых, напоминающих “чёртовы пальцы”, включениях в наш жигулевский мрамор). Всеобщее наше богатство, во славу Отечества воскресающего. Воистину... трилобиты.

***Валерий Андреев******(1974 – 2013)***

В начале января 2013 года произошло трагическое происшествие, оборвавшее жизнь преподавателя ТГУ, ученого и педагога Валерия Владимировича Андреева. С начала 2000-х годов он работал преподавателем двух крупнейших вузов Тольятти – ВУИТа и ТГУ. Валерий Андреев искренне любил литературу, поэзию, русский язык, что неизменно давало свои плоды – его ученики теперь сами преподают во многих учебных заведениях города.

В 2007 году Валерий Владимирович защитил кандидатскую диссертацию по филологии «Средства выражения семантики умолчания в произведениях З.Н.Гиппиус» в Самарском государственном университете. За свою жизнь Андреев также был главным редактором двух крупнейших студенческих газет «Волжский Университет» и «Тольяттинский Университет». Эти замечательные издания существуют и сейчас. Множество интереснейших филологических и педагогических проектов В.Андреев задумал и успел реализовать. К тому же у него осталось трое детей – Елена, Мария и Арсений.

За свою короткую 38-летнюю жизнь Валерий Андреев успел сделать очень много. Выражаем родным искренние соболезнования.

***Редакция альманаха «Графит»***

## Владимир Веретников

( статья печатается в сокращении )

### А.С. Пушкин в Поволжье и Оренбурге

#### Пушкин в нашем крае

Имя А.С. Пушкина известно и дорого сердцу русскому из поколения в поколение. Мы постараемся раскрыть связь этого имени с нашим краем, с нашим именем...

Ещё завершая работу над романом – «Дубровский», у Пушкина созрел план создания нового романа, действие которого должно развиваться и происходить в Казани и Оренбурге во время Пугачёвского движения. Он внимательно изучил все имеющиеся материалы по Пугачёвскому бунту в архивах. И, чтобы создать «Историю Пугачёва», - обогатить себя и своё творческое видение, он решил побывать на местах непосредственных событий 1773 – 1775 гг.; встретиться с непосредственными очевидцами или участниками тех бурных и кровавых событий крестьянского восстания Е. Пугачёва. Пушкин хорошо понимал, как оно мощно потрясло устои царского самодержавия 18 – го столетия.

В письме своему другу Нащокину в феврале 1833 года Пушкин писал: - *«Путешествие это мне нужно нравственно и физически...»*

Давайте же представим себе мысленно тот путь, которым проехал гений земли русской...

И так, в 1833 году поэт совершил с трудом разрешённое ему посещение Казани, Самарского, Оренбургского краёв для изучения истории пугачёвского бунта. Пушкин посетил Нижний Новгород, Казань, Симбирск... Павловское, Малинники и Берново, - владения его друзей Вульфов, ярмарку в Нижнем. В Казани поэт объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и был очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону, так же, как и визит к симбирскому губернатору.

Из воспоминаний И. Коротковой/А.С. Пушкин и симбирские старожилы/:

*«В 1833 году я жила с отцом в Симбирске, где тогда губернатором был Александр Михайлович Загряжский...(между 8 и 14 сент.) во время уроков танцев в доме губернатора сообщили, что приехал сочинитель А.С. Пушкин... Вдруг в комнату вошёл господин небольшого роста, в чёрном фраке, курчавый шатен, с бледным или скорее мулатским рябоватым лицом...Пушкин станцевал с нами по несколько раз с каждой...»*

Подробную свою Одиссею позднее Пушкин описывал жене с юмористическими подробностями... *«На пути в Оренбург пришлось вернуться в Симбирск и ехать другой дорогой, так как дорогу перебежал заяц...»*

В Борской крепости была остановка, где поэт собирал сход, опрашивал народ о Пугачёве. Возле крепости Борской переправа через Самару. А сколько их уже было и будет впереди?.. Путь этот казался поэту очень «прескучным», как он писал жене, Но на подъезде к Бузулукской крепости его встретил и принял в свои объятия сосновый бор. Это было так неожиданно, отражает в своих дорожных записках Пушкин. После степных голых мест знакомый шум вековых сосен, удары колёс о корни деревьев на песчаной дороге, лесная осенняя благодать.

Из книги И. Смольникова «Путешествие Пушкина в Оренбург» :

*« ...На лесном кордоне им предложили связку рябчиков. Грех было не взять. А цена в этой глухомани была такая, что даже Гаврила торговаться не стал... Лошади громко переступают по деревянному настилу. Звучно опускаются в воду вёсла. У ямщика с паромщиком серьёзный разговор про сено да про то, много ли в нынешнем году выпадет снега. Ямщик настаивает, что никак не меньше двух с половиной аршин, а то может и три...»*

Бузулук Пушкин проехал утром на второй день пути. Бузулукская крепость - это уже центр мятежных событий. Здесь бушевала, хозяйничала, побеждала и терпела поражения лихая казацкая вольница.

Вот одна из записей в материалах, собранных в этих местах:

*« Казак Василий Елизаров ездил грабить и бунтовать Бузулукский уезд, в 30 – ти верстах от крепости Бузулукская. Отставной переводчик Арапов встретил его с ласкою, напоив допьяна, отобрал оружие и спасся, убив двух злодеев». Один из многих тысяч эпизодов, свершившихся здесь, в степях вольных народов...*

На всём протяжении пути до Оренбурга была спокойная степь с парящими над ней коршунами, а всего полвека назад, здесь происходили совсем не мирные события и картины, и этим парящим в небе хищникам было чем поживиться на политой кровью земле... Такие мысли возможно возникали у поэта в голове, средь этого безмолвного степного заунывья.

## МИР-ОТЕЧЕСТВО

*«...Лошадей перепрягали в крепостях Тоцкой, Сорочинской, Татищевой. Меж них затесалась ближе к Бузулуку деревня Погромная, где-то посередине редут Полтавский. /И. Смольников/*

И, наконец, после длинной и изнурительной поездки, А.С. Пушкин прибыл 18 сентября в г. Оренбург; небольшой пограничный городок, «до которого год скачи, не доскачешь». Вот он, центр событий, бушевавших полвека назад, конечная цель его поездки.

Здесь, по словам современников, Пушкин останавливался в загородном, доме губернатора В.А. Перовского, с которым у поэта были дружеские отношения, но через три дня он перешёл к Далю, чтобы не стеснять губернатора своим присутствием.

Поэт посетил знаменательные места пугачёвских сражений, ездил в Берды, где отыскивали старуху Бунтову Ирину Афанасьевну. Она - то знала, видела и помнила Пугачёва. Пушкин разговаривал с ней долго, целое утро, записал её рассказы, песни, касающиеся того времени, которые спели старухи. Поэту показали «золотую избу» Пугачёва, - избу казака Сотникова, в которой обклеили стены золотой бумагой, и был дворец атамана.

Всё увиденное и услышанное обогатило Пушкина новыми впечатлениями, на прощанье он дал старухе Бунтовой червонец. Ему указали на гребни, где, по преданию, лежит клад Пугачёва, всё это дало ему прекрасный материал для творчества.

В Оренбургских архивах имеется папка с Циркуляром № 78 сов. Секретно: «установить негласный надзор на время пребывания Титулярного Советника Пушкина в гор. Оренбурге, почта...»

Письмо же на имя губернатора пришло уже после отъезда Пушкина, и на ней рукой Перовского написано «...поэт останавливался в моём доме, и поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических познаний».

На подаренных вскоре Перовскому «Повестях Белкина» и «Истории Пугачёвского бунта» стояла пушкинская надпись:

*«Милому другу». А.Пушкин*

### Пушкин в Оренбурге

В Оренбургском архиве имеются уникальные документы – дневники, воспоминания очевидцев великого поэта в период пребывания его в крае. Сделал такие записи помещик А.А. Щигалёв, служащий в Уфимском казачьем полку и на тот момент, прикомандированный к войсковой канцелярии... Из записей дневника Щигалёва:

«Все в Оренбурге ждут Пушкина, в особенности молодёжь, которая даже бредит его стихами. Великий поэт едет к нам собирать материалы для истории Пугачёвского бунта, по Высочайшему повелению сделано распоряжение военным губернаторам во все места, оказывать Пушкину всякое содействие. Говорят, будто Пушкин послан не за этим одним, а разузнать, что делается в наших краях; и этому кто верит – не верит, чтобы поэт взял на себя такую роль...

Пушкин прибыл в 6 часов вечера и остановился близ базара в гостинице купца Татарникова. Все узнали, к нему тотчас приехал губернатор Перовский, и собралась кучка любопытных на улице, в том числе и я грешный – не увижу ли в окне Пушкина. Через час мы увидели Пушкина: он ехал с Перовским в его коляске.

Пушкин остановился у Перовского. Многие лица на другой день делали ему визиты, а во втором часу дня он катался с Перовским по городу; оба заходили смотреть Гостиный двор, осматривали вал и бастионы. Пушкин что-то говорил Перовскому и махал руками, указывая на разные стороны. Хотели Пушкину дать обед от города, по подписке. Отказался! Очень жаль.

На третий день Пушкин делал визиты, был в военном и девичьем училищах. Потом обед у коменданта, вечером Пушкин поехал с Перовским на кочёвку со многими лицами. На кочёвке ужин, а на другой день обед. На четвёртый день своего пребывания Пушкин делал визиты и был при мне в Пограничной комиссии, где для работы ему дана большая, хорошо меблированная комната и трое чиновников, хорошо разбирающих старину.

Пушкин взглянул на дело Пугачёвское в 12 томах, стал перелистывать и читать то тот то другой том, сказал: «чёрт знает! Чтобы перечесть всё это, надо иметь мышиные глаза!». Он стал заниматься, начальство вышло, Пушкин запер дверь и тем положил конец нашему любопытству...

На шестой день был в лагере, был смотр войскам, Пушкин был один в коляске. Обед у А-ской для Пушкина, были Перовский и многие дамы. Вечером скачки за городом. Ужин у Перовского для немногих мужчин. На седьмой день был дождь сильный, назначенные маневры отложены; Пушкин никуда не выезжал. К вечеру буря повредила главы церкви св. Георгия в Форштадте. Восьмой день, дождь с градом. Пушкин всё-таки сходил в Пограничную комиссию. Чиновники бранят, что завалил их выписками и денно и ночью.

Десятый день был фейерверк, наши артиллеристы отличились на славу. Десятый день, утром Пушкин гулял с адъютантом Перовского в роще, потом прокатился на лодке. Был в комиссии, ездил по знакомым целый день. Обедал запросто у коменданта с Перовским. Вечером катался верхом с дамами...

## МИР-ОТЕЧЕСТВО

Одиннадцатый день. Пушкин гулял по городу с каким-то чиновником, входил на колокольню церкви св. Георгия смотреть, где была Пугачёвская батарея. Большой бал с музыкой у управляющего Пограничной комиссией, а потом ужин с дамами у Перовского.

Двенадцатый день. Пушкин осмотрел оба собора, сказал, что оба бедны; расспрашивал об истории соборов, и никто не мог ничего объяснить. Вечером ужин у директора военного училища».

/Это было напечатано в «Оренбургских ведомостях» № 12, 1883г./

Трудно себе вообразить правдивую картину, читая ещё одни воспоминания, В.И. Даля. Сколь порой противоречива информация, но автор склонен считать более точными всё же воспоминания В. Даля. Ведь вместе с В.А. Перовским в Оренбург приехал чиновник по особым поручениям, Владимир Иванович Даль. Так свидетельствуют документы того времени, и кому как не ему быть ближе, быть в гуще событий, происходящих во время пребывания поэта в Оренбурге. В архиве В.Даля сохранились отрывочные записи с его пометкой: «ещё Пугачёвщина, которую не я не успел отдать Пушкину вовремя». Ведь именно Пушкин во время своего пребывания уговорил Даля завершить свой начатый и нужный труд по изданию Толкового словаря.

И не случайно, оказавшись в Петербурге по случаю, В.И. Даль находился у постели смертельно раненого поэта, и слышал адресованные ему слова: «Всё, жизнь кончена! Тяжело дышать... Давит!»

Вот как он описывает пребывание Пушкина в Оренбурге:

«Пушкин прибыл нежданный негаданный и остановился в загородном доме у военного губернатора..., а на другой день перевёз я его оттуда к себе, ездил с ним в историческую бердинскую станицу, толковал, сколько знал и слышал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачёвым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи Форштадт, куда Пугачёв поднял, было пушку, чтобы обстреливать город, - на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых Пугачёву...

В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свёл его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову /директору Неплюевского военного училища/ В предбаннике расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, глядя на расписной предбанник, завёл с хозяином речь об охоте. Артюхов сопровождал гостя в Бердскую станицу. В Бердах мы нашли старуху Бунтову, которая знала, видела и помнила Пугачёва... Ему указали, где стояла изба, обращённая в золотой дворец Пугачёва...»

В оренбургских поездках В.Даль был для Пушкина идеальным собеседником. Их объединяло многое. После второй и последней ночи пребывания поэта в доме Перовского, хозяин наутро, смеясь, показал гостю письмо

нижегородского губернатора Бутурлина: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться не верю, чтобы он разъезжал за документами о пугачёвском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях..., я почёл долгом посоветовать, чтобы Вы были поосторожнее». Вернувшись из Оренбурга, Пушкин подарил этот сюжет Гоголю для его будущего «Ревизора».

Познакомился поэт там и с трудом исследователя Оренбуржья, члена-корреспондента Академии наук П. Рычкова «Осада Оренбуржья». Позднее поэт написал о ней так: «О нашей славной и любопытной летописи академика П. Рычкова, коего труды ознаменованы истинной учёностью и добросовестностью - достоинством весьма редким в наше время».

И, к сожалению, в наше время тоже.

В сражениях с пугачёвцами у академика погиб сын Андрей - симбирский комендант. И столько патриотизма в соболезновании, написанным П.И. Рычковым по поводу гибели его сына: «Кончина его тем хороша, что жизнь он положил за Отечество». Слова, достойные прочтения каждым нашим современником.

Возвращаясь через Уральск, Пушкин проезжал через крепости Чернореченскую и Татищевскую, мимо Белых гор, запечатлевал в памяти степные «твердыни», позже ожившие в описании им Белогорской крепости в повести «Капитанская дочка»/1836г/

Повесть «Капитанская дочка» и «Историю Пугачёвского бунта»/ Пушкин подарил губернатору Самарскому и Оренбургскому В.Перовскому с надписью «Милому другу». Непросто давался поэту обратный путь, размытый дождями, утопающий в грязи, о чём он писал ещё ранее:

*«Теперь у нас дороги плохи,*

*Мосты забытые гниют.*

*На станциях клопы да блохи,*

*Заснуть минуты не дают...»*

Заехав в Языково, к другу-поэту и отобедав с ним и его братьями, Пушкин вновь направился в Болдино, где успешно творил под впечатлением увиденного и услышанного.

2 октября А.С. Пушкин был уже в Болдино и писал жене:

*«При выезде моём из Уральска/23 сент./ пошёл дождь, дорога стала непроходимой... Того мало, но и выпал снег и я обновил зимний путь, проехав 50 вёрст на санях. Проезжал мимо Языково/Симбирск./, застал там всех троих братьев /в халатах, за то отругав их за барские азиатские привычки/, отобедал с ними, ночевал и вот направился сюда».*

## МИР-ОТЕЧЕСТВО

---

Будучи человеком свободолюбивым, великий русский поэт не мог не обратить внимания и быть безучастным к народным восстаниям крестьян в России. А.С. Пушкин впервые в истории отечественной литературы в своих работах показал главенствующую роль народа в истории. Немаловажный фактор для того времени...

Подробно описан проезд А.С. Пушкина в книге А.И. Носкова: «Пушкин и Самарский край» и «Прикосновение к прошлому».

Вот такую картину имеем мы на сегодня спустя 180 лет с момента пребывания А.С. Пушкина в крае.

*В архиве тольяттинского поэта, музыканта и коллекционера самиздата Михаила Лёзина обнаружился альманах «Волга», №13, выпущенный в 1956 году. По нашему предположению, альманах выходил на протяжении всего строительства Куйбышевской ГЭС (1951-1957 гг.) Нам показалась интересной статья С. Лисецкого «Жигулевские зарисовки». Помимо описаний быта строителей гидроэлектростанции, в ней содержится описание первых художественных и культурных мероприятий в перенесенном городе Ставрополе, впоследствии Тольятти. Предлагаем читателям фрагмент статьи.*

**Редакция альманаха «Графит»**

### **После шести вечера...**

Весна 1956 года...

Южные склоны Жигулей покрылись нежной зеленью. На вершинах едва заметно покачиваются стройные задумчивые ели. Воздух прозрачен и свеж.

На Куйбышевской ГЭС уже работает несколько агрегатов. Они дают промышленный ток Москве и городам Поволжья.

У высоких плотин плещутся волны нового моря. Из шлюзов доносятся гудки теплоходов, идущих на Астрахань, Ростов и Москву.

В фиолетово-серой дымке чуть виден противоположный берег. У него выстроилась целая флотилия судов. А еще недавно здесь, в котловине левобережной поймы Волги, стоял старинный городок Ставрополь.

Представьте десятка полтора длинных немощеных улиц с дощатыми тротуарами. На улицах – приземистые домики, тесовые и каменные. У каждого из них крыльцо, и рядом – широкие деревянные ворота, разукрашенные причудливой резьбой: здесь и павлины с невероятными хвостами, и невиданные цветы, и какие-то чудовища, и удивительно нежные розетки и завитушки. Посреди города торчала каланча с вечевым колоколом, а ближе к лесистым холмам, горбящимся вдаль, стояла церковь с белыми колоннами и куполом, похожим на зеленую луковицу. Таким остался Ставрополь в памяти старожилов.

Ныне он изменил свой облик и «адрес». Широко и привольно разместился новый город на высоком яру, среди соснового леса, а на его прежнем месте родилось море; лишь кое-где еще желтеют песчаные островки. Над ними вьются чайки...

Вечер. В городах и поселках строителей Куйбышевской ГЭС, раскинувшихся на десятки километров по обоим берегам реки, зажигаются огни. Густеет толпа на улицах.

Закончен трудовой день, со строительных участков давно разошлась первая смена. Сняты рабочие костюмы, люди успели уже пообедать и, немного отдохнув, спешат сейчас в вечерние школы, послушать лекцию, посмотреть новый фильм, взять интересную книгу в библиотеке.

На одной из улиц Социалистического города – большое здание с ярко освещенным подъездом. К нему направляются группы оживленно беседующих мужчин и женщин. В руках у них портфели, книги, листы чертежной бумаги, свернутые в трубку и надетые на рейсшину.

Нетрудно догадаться, что это студенты вечернего филиала индустриального института. На трех его факультетах – гидротехническом, энергетическом и механическом – занимаются около семисот человек.

- Конечно, работать и учиться – не легко,- говорит Виктор Михайлов. - Однако ничего не поделаешь: нужно!

Михайлов приехал на Волгу около пяти лет назад. Работал начальником земснаряда. Недавно его назначили главным механиком одного из участков управления гидромеханизации. Он готовится защищать диплом инженера.

На первом курсе энергетического факультета учатся Николай Георгиевич Агеев и его жена Юлия Дмитриевна.

- Вдвоем веселее,- блеснув стеклами очков, говорит Николай Георгиевич.

- Он вечно шутит,- жалуется Юлия Дмитриевна. - А, сказать по совести, учиться очень трудно. Днем – работа, вечером – лекции.

К чтению лекций в институте, помимо профессоров и преподавателей, привлечены руководители стройки: главный энергетик И.А. Никулин читает курс электрических систем, заместитель главного инженера строительномонтажного управления, кандидат технических наук В.И. Щелканов – теорию гидротехнических сооружений, главный инженер управления правого берега, кандидат технических наук Х.Ш. Мустафин – использование водной энергии. Лекции иллюстрируются примерами из жизни стройки, с которыми студентам приходится повседневно сталкиваться в процессе работы.

...В поселке Комсомольском, на площади – красивый, с широкой террасой и античными колоннами клуб. Он построен в числе первых домов поселка и давно уже завоевал себе добрую славу. Приятно посидеть в уютном читальном зале. Мягкий свет ложится на лица и раскрытые книги; тихо шелестят перелистываемые страницы газет и журналов. Время летит незаметно.

Портовый городок расположен на горе, у соснового бора. Строители гидроузла и жители новых городов и поселков на Волге, волей судьбы оказавшиеся нынешней весной приморскими жителями, часто приходят сюда побродить по лесу, полюбоваться морскими далями, а вечером посмотреть в клубе новый фильм или прослушать лекцию.

Море прильнуло к Жигулям, широким заливом раскинулось в Усинской пойме и где-то далеко-далеко слилось с голубым небосклоном. Лес полон звуков. То раздаётся звонкий торопливый прерывистый стук дятла, то хрустнет сухой сучок под ногой, то прострекочет, перелетев с ветки на ветку, сорока... Порой пересечет тропинку лось, красиво поведет головой, окинет путника боковым зорким взглядом и не спеша протрусит в чашу...

На площади – клуб. На его фасаде – плакат: «Первая художественная выставка». Это примечательный штрих для нового городка, убедительно характеризующий многогранность его культурной жизни.

На открытие выставки собрались гидростроители с обоих берегов Волги. Главный инженер Куйбышевгидростроя академик Николай Васильевич Разин под аплодисменты присутствующих разрезает зеленую ленточку, и посетители входят в просторный зал. С искренней заинтересованностью окидывают они взглядом стенды с живописными и графическими работами местных художников. Здесь экспонировано около двухсот произведений, в которых строители Куйбышевской ГЭС показали многое из того, что они видели и чувствовали, о чем мечтали, и что удалось им запечатлеть творчески.

Выразительны рисунки акварелью, тушью и карандашом инженера проектного отдела Андрея Кузьмича Вингорского: «Нижний шлюз перед пуском», «Водосливная плотина», «Портрет экскаваторщика М. Ю. Евеца», «Уголок Ставрополя». Привлекает внимание «Репинский домик». Это карандашный рисунок старинного, срубленного из бревен, шестистенного дома с шатровой крышей, принадлежавшего некогда Анне Андреевне Буяновой. Здесь в 1870 году жил Репин.

- Домик этот особенно дорог местным краеведам,- рассказывает автор рисунка.- Он любовно перенесен из зоны затопления в новый Ставрополь. Улица, на которой сейчас он находится, названа строителями именем великого художника... А в будущем намечено установить на нем мемориальную доску и открыть в его комнатах художественный музей.

Вот акварели А.Е. Эстулина. Среди них «Осень в Жигулях», «Яблоновая гора», «В половодье», «Набережная Портового поселка» и другие. Н.М. Червяков экспонировал несколько этюдов, написанных маслом, и четыре рисунка.

## АРХИВ

Рабочий бетонного завода Г.В. Татауров запечатлел в своих произведениях дорогу у Яблонового оврага и общую панораму ГЭС. Любопытны работы В.П. Севастьяновой – «Паводок», «Вода спадает», «Водосливная плотина», а также этюды, написанные на Волго-Доне – «13-й шлюз» и «Канал».

На выставке много волжских пейзажей арматурщика В.В. Калинина, рабочего Г.П. Нацевского, гидромеханизатора О.В. Шишкина и учителя Ставропольской школы Я.С. Звидрина.

В ряде произведений чувствуется собственный живописный почерк художника, что так же дорого, как и собственный голос в стихах начинающего поэта.

Некоторые участники выставки стремились создать композиционный пейзаж, пейзаж-картину. К произведениям этого жанра относится большое полотно клубного работника В.Ф. Еремина – «Строительство водосливной плотины».

Нужно особо сказать о картине «Охотники на отдыхе» Виктора Николаевича Кувшинова. Автор изобразил молодых гидростроителей, отправившихся в выходной день на охоту. Они сидят группой на лесной опушке и с увлечением рассказывают друг другу веселые охотничьи байки. В картине есть серьезные недостатки в рисунке и цвете, но вместе с тем в ней чувствуется и хороший юмор и глубокая влюбленность художника в жизнь.

Более десяти лет назад – во время Великой Отечественной войны – Виктор Николаевич был тяжело ранен. Его привезли в госпиталь почти в безнадежном положении и, чтобы сохранить жизнь, пришлось ампутировать по локоть обе руки.

- В госпитале я научился писать держа карандаш зубами,- говорит художник. - Потом стал заниматься живописью, привязывая кисть к оставшейся части левой руки... Без живописи, которую я люблю с детских лет, мне нечего делать на земле...

Теперь у Виктора Николаевича есть семья: его жена работает техником-геодезистом на стройке, есть сын Валерик и любимое дело. Так он победил тяжелый недуг и нашел свое место в жизни.

Познакомившись с выставкой, выходим на широкую, освещенную солнцем площадь. По шоссе, ведущему к строительным площадкам гидроузла, мчатся автобусы и автомашины. Десятки людей проходят по площади. Любители фотографии «щелкают» аппаратами на высоком морском берегу. Слышатся шутки и звонкий смех молодежи...

Много можно еще рассказать о том, как проводят свой досуг строители гидроузла. Здесь двенадцать клубов, два Дворца культуры, четырнадцать профсоюзных библиотек и около двадцати киноустановок.

В клубах насчитывается больше пятидесяти коллективов художественной самодеятельности – это около двух с половиной тысяч энтузиастов, отдающих свои свободные часы музыке, драматическому искусству, живописи, литературе, хореографии и акробатике.

Строители Куйбышевской ГЭС умеют хорошо работать. Умеют они и отдыхать. В обычные будничные вечера многие из них посещают лекции, слушают музыку, читают книги, играют в шахматы, пишут стихи, встречаются с друзьями, занимаются в кружках, танцуют в клубе... Каждый отдыхает по своему вкусу и по своему возрасту.

А в воскресенье в добрую погоду... Встаньте-ка пораньше, до зорьки, и отправляйтесь на Волгу, в окрестности стройки. Там вы обязательно увидите и завярых рыболовов, и художников-любителей, и группы рабочих, приехавших сюда целыми семьями, с рыболовной снастью и котелком для ухи, с аккордеонами и баянами. Как тут чудесно в эти весенние дни! А сколько песен поется о радости творческого труда, о Родине, о простом человеческом счастье!...

**Куйбышевгидрострой. 1955-1956 гг.**

### О рецепции поэзии Айги в России

Сергей Завьялов в статье «Поэзия Айги: разговор с русским читателем» начинает с пассажа о том, почему «поэт, писавший без малого полвека на русском языке и, по крайней мере, два десятилетия легально издаваемый в стране, признанный и переводимый во всем мире»<sup>2</sup> ушел из жизни при равнодушии литературного сообщества и читателей? Вопрос сложный. И ответ на него нужно начать искать с рассмотрения традиционного для России способа бытования «деятелей культуры», социокультурных механизмов фиксации и воспроизводства значимых идей (и шире идеологии). Они порождают в «умах» определенное понимание литературы, вкусов, запросов, ожиданий, значения и роли писателя, т. е. формируют читателей, формируют представления о том, «кто есть настоящий поэт» или что такое «настоящая литература», во многом созвучные т. н. «большому стилю» русской литературы.

Мы живем в стране, где доминирующее понимание целей, возможностей и границ литературы выталкивает поэтику Геннадия Айги на периферию читательского внимания. Это понимание является эпифеноменом той машины воспроизводства политической идеологии, которая была создана в закрытом советском обществе. Эта машина производила советского человека, в том числе советского читателя и писателя. Школьная программа по литературе (то, что советский человек должен знать из литературы), ее исполнители (учителя советской литературы), педвузовская программа по литературе (то, что советский педагог может читать и считать литературой), писатели литературы союзов писателей (то, что настоящие писатели должны писать), редакторы и корректоры советских издательств и многие другие – все были шестеренками огромной машины, формирующей вкусы, ожидания, фокусы внимания, уровни перцептивности, рефлексивности советского читателя, его представления о целях, возможностях и способах бытования литературы.

Эта машина воспроизводства советской политической идеологии больше не существует. «Железный занавес» пал. Но произведенный ею «литературный проект», произведенные ею читатели, писатели, а, следовательно, вкусы, уровни, представления и ожидания, остались. До сих пор живы идеи о необходимости: государствообразующей и морально-воспитующей функции литературы; рассматривать русскую литературу как уникальное и самобытное явление; литературной иерархии поэтов с Пушкиным во главе и Золотым веком в начале; признаком поэзии считать метр и рифму, государственной заботы о писателях и поэтах и т. д. Хотя союзы советских писателей, закономерно, умерли, но «дело» их, как говорится, живёт.

Если смотреть ретроспективно, то когда в конце 1950-х гг. Айги входил в русскую поэзию, в ней, за исключением «официальной советской поэзии» с примкнувшим к ней Евтушенко и К°, можно было условно выделить, по меньшей мере, две культурные или эстетические традиции. Первая - эндомодернизм (или как пишет Завьялов «ретромодернизм»), направленный на развитие поэтической традиции путем обращения к трансцендентальным (по отношению к официально разрешенной культуре) литературным лакунам и экзомодернизм (или, по аналогии, «футуромодернизм»), направленный на развитие поэтической традиции путем трансцендирования границ и форм официально разрешенной литературы. Эндомодернизм в попытке противостоять советской поэзии использовал, по большей части, традиционные средства языковой выразительности, характерные для разрешенной части Серебряного века, ориентировался на высокий стиль европейской классики Нового времени. Экзомодернизм преимущественно - на поиск новых средств языковой выразительности, на неиздаваемый Серебряный век, современные западные поэтические течения.

Айги была близка традиция коренного обновления поэтического языка. Он, по его собственным признаниям, воспринял многие принципы и техники, т. н. «русского авангарда». Значимыми для него являлись К. Малевич, А. Крученых, В. Хлебников<sup>2</sup>, французские и немецкие модернисты 20 века (об этом достаточно уже написано другими, повторять здесь не буду).

Айги не ввязывался в открытое противостояние с «системой». Поэтому «система» не помогла ему «переплавить» драматическую социальную биографию в «символический капитал», как это случилось с Ахматовой, Пастернаком, Бродским. Когда начинались преследования в Чувашии, он скрывался, уезжал то в Сибирь, то в Москву. В Москве общался скорее с художниками, чем с поэтами. Может быть, поэтому он так и не стал «идолом» литературоцентричной антисоветской интеллигенции.

При этом «по содержанию», по «культурной эмблематике» или «образности» поэтика Айги резко выделялась даже на фоне (анти)советской неподцензурной поэзии. Айги - негородской поэт, эгалитарный. В его поэтике не было стремления ассоциировать себя (по языку, тематике, эстетике, стилю и т. д.) с дореволюционной городской элитой, «праздным классом», ведущим поэтический учет своего особого статуса, социального положения, привычек и проблем. Он ассоциировал себя с совершенно нерепрезентативной для (анти)советской интеллигенции социальной группой: с бесправными, необразованными, угнетёнными – сельскими жителями.

## ПОСТСКРИПТУМ

Причем не с русскими крестьянами, со всеми привычно вытекающими общинно-патриархально-толстовскими коннотациями, а крестьянами-иностранцами, почти неизвестными читающей публике и замолчанными имперской властью.

Негородское, неогороженное (часто заснеженное) пространство лесов и полей его детства очень важно для Айги<sup>3</sup>. Он его буквально сакрализует. Он лишает свои поля и леса ярких красок, звуков, доводит до состояния философских понятий. Для него это «места наивысшей силы», первобытного детского счастья, утраты и страха, место встречи с чем-то табуированным: чистым, светлым и одновременно опасным.

Такое сочетание, с одной стороны, футуристической готовности «репрессировать язык», стремления пересмотреть правила и способы поэтического высказывания, с другой стороны, эстетизация нищеты, архаичного и потукультурного, помноженная на предельно обостренное неприятие литературщины, «поэтической инерции и фальши», плюс интимизм<sup>4</sup> поэтической речи - такое сочетание приводило многих читателей поэзии Айги в некоторый ступор. Часто они не могли его даже опознать как поэта, не могли отнести к какой-то устоявшейся русской поэтической традиции. Первыми его поэзию расчувствовали западные слависты, они увидели в нем продолжателя нерусской (самобытной, индивидуалистичной, модернистской) поэзии в России, стали переводить, издавать, исследовать. В России же Айги вызывал и вызывает много споров. Ему до сих пор «не могут простить» нерусскость его поэтики. Даже заинтересованные, эрудированные и профессиональные читатели, даже после личного знакомства и вдумчивого чтения, сомневаются в том, знал ли Айги в нужной мере русский язык. Например, Ольга Седакова пишет: «Тема иноязычия неотделима от Айги. Его русские слова — след волны, рожденной другим языком. Ближайшая догадка — родным чувашским, а дальше: бессловесным языком ландшафта, музыкальным языком интервалов и ритмических долей. Стихи почти без слов. И чем дальше — тем больше без грамматики»; и далее «Русский язык — временное пристанище этих стихов (кто скажет по-русски: «чувствуемый», «обнимаемый»?)<sup>5</sup>».

И дело не только в том, что Айги чуваш и поэт-билингв. На Западе и в России много писателей и поэтов, писавших на двух и более языках. Это и Ф. Пессоа, и Р. М. Рильке, и И. А. Бродский и многие другие. А дело в том, на мой взгляд, что в России русскость поэтики воспринимается как синоним «большого стиля» русской литературы.

После падения «железного занавеса», исчезновения цензуры, смерти союза советских писателей, начала освоения хлынувшей в Россию западной модерновой и дальневосточной традиционной поэзии некоторое время казалось, что рассмотрение «неподцензурных» поэтов на одном поле с привычными поэтами должно показать заинтересованному литературному сообществу и просто интеллигентным обывателям, что запрещенная раньше поэзия ничем не уступает «по качеству» поэзии разрешенной. Казалось, что еще чуть-чуть и все большие неподцензурные поэты займут почетное место в иерархии поэтов. Однако этого не произошло. В постсоветскую поэтическую иерархию вписали лишь гонимых советской властью наследников «высокого стиля» - эндо-ретро-модернистов.

Айги, очевидно, не вписывается в эту иерархию и отрицает доминирующий литературный стиль. Его поэзия написана с такой позиции, которая отказывает устоявшимся в России представлениям о поэзии в праве на осмысленность и продуктивность. Поэзия Айги требует пересмотра их оснований. Но подобный пересмотр невозможно осуществить принудительно, путем инициирования какой-то специальной социально-политической или филологической дискуссии. Практика показывает, что коллективные представления меняются медленно. Смена господствующих идей - это всегда смена поколений. А новые идеи, естественно, легче воспринимаются людьми молодыми.

Изменения уже происходят. Уменьшается число людей, читающих книги. Литература избавляется от своего «государствообразующего» и «морально-воспитующего» значения, верлибр перестает восприниматься как эксперимент или диковина, идут дискуссии о границах и возможностях современной литературы. Вполне возможно, что количество взрослых читателей поэзии (читающих стихи не по принуждению, как школьники, а по желанию) довольно скоро станет меньше количества ее писателей. Наверняка у этого небольшого квалифицированного читательского сообщества будут более современные и взыскательные вкусы и ожидания. Я не теряю надежды, что в ближайшие полвека значение поэзии Геннадия Айги в России будет пересмотрено.

<sup>1</sup> Завьялов, Сергей. Поэзия Айги: разговор с русским читателем // Новое литературное обозрение. 2006. №3 (79). С. 205

<sup>2</sup> См.: Айги, Геннадий. Разговор на расстоянии. (Ответы на вопросы друга) // Айги, Геннадий. Разговор на расстоянии: статьи, эссе, беседы, стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 160

<sup>3</sup> Там же, С. 155

<sup>4</sup> Под *интимизмом* он имел в виду интимное отношение с миром и с пространством. См. об этом: Наталия Азарова. Возвращение к Айги [http://nataliaazarova.com/cgi-bin/index.pl?p=aigi\\_return](http://nataliaazarova.com/cgi-bin/index.pl?p=aigi_return)

<sup>5</sup> Седакова, Ольга. Айги: Отъезд // Новое литературное обозрение. 2006. №3 (79). С. 200

**Дмитрий Воробьев**

## Из зарубежной поэзии

### Федерико Гарсия Лорка

#### Луна показалась

Когда выходит луна,  
колокола теряются,  
и появляются тропы  
непроходимые.

Когда выходит луна,  
море покрывает землю,  
и сердце чувствует себя островом  
в бесконечности.

Никто не ест апельсинов  
под полной луной.

Их нужно есть,  
зелёные и свежие плоды.

Когда выходит луна,  
все сто одинаковых лиц,  
серебряная монета у меня в кармане  
рыдает.

### Пабло Неруда

Этой ночью стихи будут самыми грустными.

Напишу, например, так: «Всё небо в звёздах.  
Дрожат вдалеке голубые светила».

Кружится ветер, поёт свою песню.

Этой ночью стихи будут самыми грустными.  
Я хотел быть с ней. Иногда и она хотела меня видеть.

Я обнимал её такими ночами.  
Целовал её часто под бескрайним небом.

Она хотела меня видеть, и я любил её в ответ.  
Как было не любить её большие глаза, пристальный взгляд.

Этой ночью стихи будут самыми грустными.  
Буду думать о той, которой нет у меня больше.

Буду жалеть и слушать ночь, такую огромную без неё.  
И моя душа примет стих, как поле принимает росу.

## Сесар Вальехо

### Множество

Когда битва окончилась,  
и боец был сражён,  
то подошёл к нему человек  
и сказал:  
«Не умирай, пожалуйста,  
ты нужен мне!»  
Но он умер, увы!  
И теперь это просто труп.

Приблизились ещё двое,  
твердят в один голос:  
«Не оставляй нас! Держись!  
Вернись к жизни!»  
Но он умер, увы!  
Теперь это – просто труп.

Пришли ещё десять,  
ещё сто, тысяча, много тысяч...  
Кричат: «Столько любви

неужели не сможет  
одолеть холодную смерть?»  
Но он умер, увы!  
Теперь – это просто труп.

Миллионы лиц окружили бойца,  
множество, в общей мольбе:  
«Товарищ, останься, не покидай этот мир!»  
Но он умер, увы!  
И теперь это только труп.

Наконец, все люди земли  
окружили печальный труп;  
тогда он в волненье медленно  
приподнялся,  
обнял того первого друга  
и пошёл...

### **Антонио Мачадо**

Стоял тихий вечер, грустный и сонный  
Вечер позднего лета. По старой стене  
Вился в садике плющ, пыльный и тёмный...  
Вода журчала во сне.

Заскрипела калитка, вечер пронзила,  
Скрежетом ржавым наполнив округу.  
Скрипнула – смолкла, и снова занула.  
Тяжело затворившись, стукнула глухо.

В садике тихом лилась монотонно  
Песня фонтана, зовуще и томно.  
Песни коснувшись, припал я несмело  
К звукам, играющим в мраморе белом.

Вода мне сказала: «В этой песне пропето  
Забывтое где-то тобой сновиденье.  
Стоял тихий вечер дремавшего лета».

Только капель паденье...  
Я не дал им ответа.  
Песня вдаль уплывает, пронизана светом.  
(VIII–IX, 12)

## Гэри Снайдер

### Ну, а поэты?

Ну, а поэты?  
Поэты земли  
пишут короткие стихи,  
и ничья им помощь не нужна.

Поэты воздуха  
в игре выдувают шторма,  
или кружатся смерчем:  
стих за стихом  
снова и снова там же.

Минус пятьдесят –  
и топливо стынет,  
жидкий азот замерзает в цистерне.  
Поэты огня  
горят при любом минусе,  
любви окаменелости могут пылать.

Первый  
поэт воды  
скрывался в глуби шесть лет.  
Водорослями зарос.  
Жизнь его стихи  
испещрила  
мирадами мельчайших  
следов, взбороздивших грязь.

**Перевод Алексея Аристова**

### Хроника книгоиздания

**Константин Латыфич «Равноденствие». Книга в стихах. Москва, 2012 г. «Русский Гулливер», 116 с.**

Перед нами ни много, ни мало – книга. А это уже заявка на значимость, емкость, некую даже фундаментальность, если угодно. Книга – это обязательно знание. Знание чего?

Непраздному читателю может доставить немалое удовольствие – и эстетическое, и интеллектуальное – самостоятельное разгадывание 100-страничного шифра этого поэтического текста, ключами к которому послужат семантические глубины неоднозначного заглавия книги, претерпевающего метаморфозу постепенного превращения через название части ее в один из подзаголовков; настойчивая троичность форм, стремящаяся к неизменному дальнейшему утроению, и – внезапная ломка привычной схемы через рождение 10 части на солнцевосходе Новой Итаки; назойливая парадоксальность словесно-алгебраических и геометрических формул, где знак равенства ставится между целым и частью, утверждением и отрицанием, а центр неизменно оказывается началом периферической фигуры, начала и конца не имеющей вовсе; символика пронизывающих книгу насквозь античных, славянских и древнееврейских ассоциаций; внутренняя жизнь и активное взаимодействие множественности посвящений, эпиграфов и сносок и, наконец (вначале?), весьма красноречиво говорящее безмолвие оформления обложки...

*Где взять слова? Он судорожно книги/ листает сутками. От Мельбурна до Риги/ Прodelывая мысленный маршрут.*

**Андрей Мансветов «Туки-луки за себя» Стихи. Пермь, 2011 г, 76 с.**

Поэтические тексты пермского автора Андрея Мансветова, написанные им на протяжении четырех лет (с 2008 по 2011 годы), разнящиеся по тематике и стилю, во многом противоречивые, выдержаны тем не менее в рамках единой концепции жизни человечества как игры изошренного сценариста-кукловода, где одушевленная марионетка свободна лишь в выборе собственной игры, и всегда – игры на вылет.

Совсем не новая, казалось бы, эта идея – благодаря гармоничному оформлению в три подцикла, стройной прозаической оправе, органичному обрамлению художественных иллюстраций, свежим акцентам, ярким сквозным темам и формулам – получает оригинальное авторское продолжение: спасение в этой адской игре всё же возможно, и, недоступная профессиональным игрокам, великая эта тайна известна каждому ребенку.

*Серый камень, белый камень,/ Мы потроганы руками,/ Нас слепили из замазки,/ Нам вложили чью-то память.*

**Сергей Сумин «Слова и мед». Тольятти, 2012г., 155с.**

В литературных кругах Тольятти Сергей Сумин не нуждается в особом представлении. Тем удивительнее, что «Слова и мед» – первая его печатная авторская книжка. До сих пор он публиковался только в сборниках и журналах да еще – самиздатом.

Легко заявлять о себе начинающему автору, когда от тебя не ожидают многого, да и на авансы не скупятся. Совсем иное – когда ты бывалый литератор. Здесь очень важно преподнести себя максимально грамотно. Думается, что более удачного подбора материала, чем тот, что представлен в «Словах и меде», нельзя было и ожидать. Книга в равной мере хороша и для первого знакомства нового читателя с неизвестным ему прежде автором, и для подведения некоего промежуточного итога многолетнего служения слову. Причин тому несколько.

Во-первых, это разнообразие творческих амплуа: под одной обложкой весьма органично уживаются поэзия, прозаические записки, философско-эстетические эссе, очень ненавязчивые – мимолетно-легкие – литературоведческие экскурсы, фразы-ассоциации и даже графика.

Во-вторых, ставка сделана на миниатюрность, лаконичность, порою даже сверхкраткость, а также на полный отказ от сюжетности, а ведь именно предельная афористичность и является самой сильной и самой яркой стороной творческой манеры Сергея.

Далее, временной промежуток написания представленных дневниковых записей и лирики – целых 15 лет! – позволяет составить достаточно полное представление об авторе, проследить изгибы и изломы становления манеры его письма (лирической же в особенности), направления философской мысли, постижения своего места в жизни и литературе и места литературы в развитии человечества.

## КНИГА ЗА КНИГОЙ

Ну и наконец, смелые и зачастую неоднозначные размышления, разнообразие их тематики (а темы-то сплошь – вечные), позволяют каждому – без преувеличения – читателю найти что-то свое, с чем хочется согласиться или поспорить – словом, вступить в диалог. А разве не этого ради пишутся и издаются книги?!

*Пишущий одинок, но не этого ли ежедневного затворничества он всегда добивался- возможности писать без помех?*

**Татьяна Бочкарь**

**«Дирижабль». Альманах-альбом. №17, 2011 г. Нижний Новгород, 64 с.**

Альманах, о котором я вам хочу рассказать, – очень достойное и пожилое издание. Шутка ли – 23 года выходить, пережив переход из одного государства в другое, кризисы, повышения налогов и т.д. «Дирижабль» возник в 1990 году в Нижнем Новгороде как объединение молодых литераторов и художников-графиков из Нижнего Новгорода, Москвы и Петербурга. Девиз альманаха «...неспешно двигаясь в струях прозрачного воздуха», появившийся на титульном листе первого номера, говорит о том, что редакция, не касаясь вопросов политики, экономики и социологии, намерена отводить страницы издания для свободного творчества, не ограничиваясь в то же время рамками конкретного направления или стиля.

Номер, который я держу в руках - уже 17, выпуск антропный. Как вы догадались – альманах концептуальный. Каждый номер этого издания посвящен какой-либо теме, идее. Номер 17 (в нем 64 страницы) посвящен человеку: религиям, ритуалам, обрядам, мифологиям, техникам поведения. Он не должен был обойтись без специалистов: культурологов, биофизиков, философов, антропологов. Без них и не обошлось. Среди наиболее интересных текстов: эссе об эстетике барокко Дмитрия Замятина, статья «Геном Буратино» Андрея Ваганова, связывающего текст Коллоди с алхимической средневековой традицией, статья Игоря Козина «Осознание», стихи Валерия Кислова, глубокие заметки об искусстве Сергея Трунева и др.

Издание замечательно оформлено и любовно сверстано. Например, используются разные цвета, красивые шрифты, черно-белая графика в отдельных материалах. В общем, альманах «Дирижабль» приятно брать в руки и читать. Очень достойный альбом-альманах.

*На балконах какого-то другого бытия возможна новая единица измерения – бернини; один бернини, два бернини и т.д. (Дмитрий Замятин)*

**«Performance», журнал, № 41, 2012 г. Самара, 56 с.**

Одно из самых интересных изданий в Самаре – журнал «Performance». Почти в каждом номере находится нечто, что читаешь с интересом. Стихи, краеведческие материалы, заметки о культуре, анализ произведений искусства. Номер 41 целиком посвящен такому замечательному явлению, как архитектура самарского модерна. Не стоит думать, что в этой сфере все хорошо. Наступление безликих «стекляшек», поджоги деревянных особняков, плохое состояние зданий и т.д. – все это говорит о том, что модерн, да и не только он, в опасности. Понятно, Самара – сама по себе загадка. Вся ее 450-летняя история – сплошные сюрпризы и скачки истории, времени, искусства. Но при всей загадочности многих построек Самары, здания в силе модерн – особая загадка.

Самара эпохи модерна – место невиданной архитектурной роскоши, изобилия разнообразных строений, место душевного отдыха. Здесь, в Старой Самаре действительно приятно гулять, сидеть на скамейках, заходить в музеи и кафешки. Самарский модерн – явление действительно уникальное, создание прихотливой фантазии блестящих талантливых архитекторов, воплощенных руками обычных поволжских рабочих в несколько кварталов поистине царственной застройки.

Разнородность, многонациональность населения Самары сказалась и на стилистическом разнообразии модерна. Здесь можно обнаружить и северный модерн, и неорусский, и мавританский, и неоготику, и близость к классицизму. «Перформанс» постарался как можно объемнее презентовать любимый город – любовно подобранные фото, грамотные статьи, цитаты из паспортов зданий. «Performance» говорит нам: спасти наследие самарского модерна все еще возможно!

*Гоголевская шинель – истертая до дыр Самара – будешь ли ты нам настолько тесна, чтобы мы, наконец, решились забыть тебя, оставить на скамейке какого-нибудь заросшего летнего сада? (Татьяна Самойлова)*

**Гуннар Вэрнесс, «Стань миром», «Ариэль», 2012 г, Чебоксары, 80 с.**

Глубину этого автора чувствуешь почти сразу, как бы вживаясь и полностью растворяясь в предлагаемых обстоятельствах текста.

## КНИГА ЗА КНИГОЙ

Единство слов, знаков, правил препинания, рисунков, коллажей – как бы очерчивает неповторимый мир поэта пределами этой отлично изданной книги. Держа это издание в руках, по-хорошему завидуешь: именно так, с любовью и вниманием нужно издавать поэзию. Итак, немного об авторе и содержании книги. Книга норвежского поэта Гуннара Вэрнесса «Стань миром и другие стихи», вышедшая в шведском издательстве «Ариэль» на русском языке, представляет собой сборник избранных произведений поэта. В первую часть вошли стихотворения из книг Takk (Спасибо) и Hverandres (Друг у друга), а также некоторые неопубликованные стихотворения 2006-2012 годов. Во вторую часть вошли визуальные стихи в форме коллажей под общим названием Vli Verden (Стань миром), переведенные на русский язык Марией Дановой. Этот проект Гуннар Вэрнесс начал в 2002 году, а отдельной книгой этот визуально-поэтический цикл был издан в Норвегии в 2007 году.

Эти коллажи со стихами можно рассматривать как последовательно сменяющие друг друга эпизоды некоторой рисованной истории, а можно как отдельные самостоятельные картины. Первая ассоциация, может быть, только личная – Уильям Блейк со своими «Песнями невинности», иллюстрированными самим поэтом-художником. Приглядевшись, понимаешь: в цикле Вэрнесса роль коллажей-рисунков в общей концепции равноправна слову – они как бы взаимно дополняют и ссылаются друг на друга. Нужно сказать, что именно этот цикл, получивший приз в Норвегии, является центральным в книге. Некая история мира в 25 главах – метаморфозы, жалобы и утешения, шорохи и крики, глубинные медленные преобразования листьев, деревьев, воды, ветра, наших «братьев меньших», равноправное существование всего в этом земном мире.

*слова растут с людей стоят у порога и говорят мы не хотим спать  
то что мы поняли нас испугало*

### **Геннадий Айги «Стихотворения» Москва, 2008 г., 424 с.**

Книга (некое избранное Геннадия Айги) – это множество его стихотворений плюс несколько значимых эссе о лидерах авангарда 20 века. Так что – Айги – авангардист? Тот, кто читал поэта, чувствует - при всей новизне метода Айги его нельзя назвать только авангардистом.

Айги для меня ценен не только как поэт, но и как живая откликающаяся душа. Для меня критерием понимания или приближения к единству искусства и нравственности, то есть истине, является отношение к сомнениям и вопрошаниям Франца Кафки.

Так вот для Айги австрийский писатель Кафка – одна из центральных фигур литературы 20 века, и даже не литературы, а Пути приближения к Свету. В этом-то, как ни странно, и проявляется Айги-поэт, не мистик, не религиозный деятель, а поэт. Айги к каждому явлению подбирает свои слова-образы, по Гачеву «мыслеобразы», «жизнеформы». Тишина, свет, сон, детство, радость, дерево, - это и есть те самые смутные поэтические вселенные, глубокие символы, метафоры, которые в словах мастера оказываются близкими каждому. Читая Геннадия Айги, всегда есть ощущение, что понял нечто важное или хотя бы приблизился к этому пониманию.

*И мы находились в составе жизни где-то рядом со смертью, с огнем и с временем, и сами во многом мы были ими.*

**Сергей Сумин**

### **Вячеслав Лобанов «Каникулы семидесятых», Тольятти, 2012 г., 68с.**

Изначально хотелось бы поздравить Вячеслава Лобанова с выходом «в жизнь» его первенца: книги «Каникулы семидесятых». Первые шаги, первые друзья, уроки, потери и достижения, ошибки и опыт, первые публикации, первая книга...

Первая книга как итог однажды взявшейся за поэтическое перо творческой натуры. Чем стала она для автора? Будучи лично знакомой с автором, и зная его требовательное отношение к своему труду, могу предположить, что наверняка у Вячеслава, как у по-настоящему любящего «родителя», имеется свой, трезвый взгляд на внешность и внутреннее содержание своего новорожденного детища. Ведь для будущих книг, а они у него обязательно будут, очень важно оставить в прошлом все ошибки, недочеты, не совсем удачные моменты и забрать с собой в новые книги только самое лучшее.

Что касаясь моего мнения, то я считаю, что книга удалась. Приятно порадовало ощущение целостности освещения темы издания. Поступательно и грамотно подобрана очередность выставленной поэзии и прозы. Последняя, кстати, для меня стала просто открытием, ведь с автором, как с прозаиком, мое знакомство до выхода этой книги было «шапочным».

Название как нельзя лучше характеризует общую нить повествования. Книга-воспоминание, книга-биография, книга о событиях, взглядах, чувствах, которые не потускнели, не исчезли из памяти с годами, а значит, имеют важное значение для автора.

Глубокое знание быта семидесятых годов, описание простых семейных и, если не кривить душой, самых важных радостей и горестей рядовых обитателей дворов и коммуналок.

## КНИГА ЗА КНИГОЙ

---

Если вчитаться и вдуматься в предложенную нашему уху и взгляду информацию, то не так уж и сложно будет проследить путь становления автора. Ведь, как давно известно, никакие события или встречи на нашем жизненном пути не бывают случайными.

Стихи отличаются четким ритмом, выверенностью сюжета, внутренней музыкой-чувством. Кроме того, автору свойственна традиционная визуальная подача произведений, что на меня производит положительное впечатление, т.к. я в этом вопросе закоренелый консерватор.

Вячеслав Лобанов не так давно появился на публичной литературной «арене» нашего города. Это событие лично я ни как не связываю с мастерством и зрелостью, как и любого другого поэта или писателя. Можно годами «писать в стол» бесконечно гениальные вещи, а можно быть пробивной натурой-выскочкой с пеленок. Однако не применю поставить жирный плюс автору в его достижениях. А именно: свой стиль и взгляд на вещи, манера преподнесения, присутствующая драматургия, эмоции, уважение к читателю.

Книга будет особенно интересна для читателя, который предпочитает классическую подачу материала. Стихи и проза изложены доступным языком и, как следствие, – легко читаются, усваиваются, наводит на какие-то свои «параллели памяти».

Еще скажу из своего опыта: если будет возможность, на литературных вечерах послушайте авторское чтение. Из уст автора стихи действительно начинают жить какой-то второй (после личного внутреннего чтения), а вернее первой, своей истинной жизнью.

Вообще, стихи можно сравнить со сжатыми пружинками, ведь в сравнительно малом объеме текста нужно умудриться органично уместить огромный кусок информации, успеть зародить, развить и развязать сюжет, а то и не один, успеть настроить и вызвать у читателя определенные эмоции.

Мне трудно профессионально оценить прозу, ибо я совершеннейший «непрозаик». Отмечу только, что прозаические миниатюры так же в основном посвящены воспоминаниям, непринужденно читаются, полны эмоций, создают некую «остановку-передышку» между стихотворными публикациями.

*Стрелки-ножницы четко / Подстригают минуты / Нашей жизни короткой / И секунды – кому-то.*

**Наталья Пулька**

**Посвященные, «Мышь-ление» (художественная серия «Поэты Саратова»), Саратов, 2010 г., 44 с.**

На мой взгляд, группа поэтов-авангардистов, назвавших себя «посвященные», поставила перед собой и смогла выполнить задачу составления сборника достаточно однородных философских стихотворений. Кроме самого подбора текстов для этого служит и сокрытие имён авторов с помощью нумерации текстов.

Первоначально мне показалось даже, что подавляющее большинство стихов написаны одним автором, но, обнаружив в конце сборника оригинальное оглавление, где после имени автора идут номера сотворённых им текстов, я определил авторство наиболее понравившихся стихотворений: Александр Гоголев (5), Наталья Троянская (10 и 40), Анна Гундорова (20 и 47). Последняя поэтесса особенно пришлась по душе, т.к. я поклонник хорошо зарифмованных стихов, а у Анны этого много.

Кстати, слово «посвященные» можно понимать и как название части из двенадцати стихотворений-посвящений, вынесенных отдельным блоком в оглавление сборника.

Удачно подобрано и название сборника: «Мышь-ление». Практически все стихотворения имеют какой-то дополнительный подтекст, заставляют читающего ещё раз перечитать строки и задуматься. Как пример можно привести афористичный короткий стих (10) Натальи Троянской :

*Вступление в Союз Писателей — это уравнение со множеством неизвестных*

Для меня, разделение названия сборника на «мышь» и «ление», вызвало ещё и образ шустрого грызуна, у которого из серого однородного меха (большинства стихотворений) ярко поблёскивают глазки-бусинки двух стихотворений Гундоровой.

*Он будто не слышит, а я к нему рвусь на цыпочках / по болью испачканной ватке неизлечимого / последнего чувства... ( Анна Гундорова)*

**Вячеслав Лобанов**

## КНИГА ЗА КНИГОЙ

Чайна Мьевилль, «Кракен» (серия «New Fiction»), Москва, 2012 г., 640 с.

Чайна Мьевилль – один из представителей новейшей волны британского фэнтези, или “странной литературы” (по определению самого писателя).

Такие его романы как “Крысиный король”, “Вокзал потерянных снов”, “Шрам” или “Железный совет”, являются не только образцами писательского мастерства и буйной фантазии, но и произведениями, в которых поднимаются актуальные философские, политические и социальные вопросы. И это неудивительно для автора, являющегося членом британской Социалистической рабочей партии.

Роман “Кракен” 2010-го года написания был издан в России только в 2012-м году. В нем нашим глазам предстает тайная, магическая изнанка Лондона.

Здесь возможны самые невероятные вещи, но вместе с тем – насилие и вражда, подавление низших высшими и борьба за место под солнцем. Боссом мафиозного клана в мире “Кракена” может быть разумная татуировка, а фамильяры (магические помощники волшебников) организованы в профсоюз, выступления которого с жестокостью подавляют “работодатели”.

В “изнаночном” Лондоне амбиции единиц могут быть настолько непомерны, что ставят всю планету на грань гибели. Именно этот Конец Света и нужно предотвратить героям романа.

Невероятный полет фантазии, хороший язык, ценные мысли – все это можно найти на страницах “Кракена” – романа одного из лучших писателей-фантастов современности.

*Джейсон Смайл, пролетарий-хамелеон, переходил через дорогу, направлялся к ним, сворачивая и разворачивая лист бумаги. По пути Джейсон продолжал применять свое магическое умение, и прохожие мгновенно испытывали смутную уверенность в том, что они его знают, что он — сотрудник их компании и сидит через два стола от них, или переносит кирпичи на их стройплощадке, или так же, как они, мелет кофейные зерна. Правда, вспомнить, как его зовут, никто не мог.*

**Дмитрий Перегудов**

**Антип Саша.** Родился в Сызрани в 1991 году. Студент СамГУПСа, участник литературных чтений в СГАУ и летнего философского лагеря. В Самаре живет с 2008 года.

**Аристов Алексей.** Родился в 1983 году. С 2007 по 2011 год вел литстудию при Волжском университете Тольятти. Кандидат филологических наук. Пишет стихи и прозу. Занимается переводом. Живет в Санкт-Петербурге.

**АЙВЕНГО.** Поэт. Родился в 1971 году. Живёт в городе Тройник. Публиковался в столичных и провинциальных изданиях. Автор многих самиздатовских книжек.

**Бочкарь Татьяна.** Родилась в 1971 году. 10 лет проработала на «Тольяттикаучуке». Окончила ТГУ по специальности «филология». Работает корректором в информационном центре. Руководит православной литературной студией «Слово». Живет в Тольятти.

**Бикбулатов Тимур** родился в 1972 году. Два года являлся заведующим веретейским школьным музеем. Затем учеба на филфаке ЯГПУ, работа в лицее № 36. С 2007 года – журналист. Выпустил 7 книг: «Любовь пограничника», «Делирика», «Некрологика», «Время и стекло» (поэзия), «Волчье солнце», «Бог-н-черт» (проза), литературоведческую работу «От мыши к кроту: путешествие за край тела (мифопоэтика Достоевского и Платонова)». Автор краеведческой монографии "Веретейская волость". Живет в Ярославле.

**Брель Сергей.** Родился в 1970 году. Поэт, журналист, канд. филологических наук, кинодраматург (мастерская Л. Голубкиной и О. Дормана, выпуск 2008 г.). Книги стихотворений "Мир" ("Грааль", 2002 г.), "Свой век" ("Время", 2006 г.). Живет в Москве.

**Веретников Владимир Николаевич.** Родился в 1947 году в Оренбуржье. Закончил в 1976 году Куйбышевский политехнический институт. Писатель, публицист. Печатался в малотиражках, СМИ города Самары. Издавался в альманахе степных поэтов Оренбуржья в 2006г., в альманахе Самарский Парнас 2008г. В общественной жизни – заместитель Председателя Самарского регионального пушкинского общества. Член Поволжского отделения ЮНЕСКО. Педагог-организатор, лектор, экскурсовод музея А.С. Пушкина в Самаре.

## АВТОРЫ

**Воробьёв Дмитрий** родился в 1979 году, живет в Чебоксарах. Кандидат философских наук. Стихи публиковались в журнале «ЛИК» (№4, 2006), в альманахах поэтических фестивалей «Скандинавия — Волга» (2005) и «Скандинавия — Поволжье» (2006), сборниках «Топос» (2004) и «Trictrac» (2005); эссе о Геннадии Айги — в шведском журнале «ARIEL». Опубликовал малотиражные книги стихов «Автопозис» (2004), «8 стихотворений» (2005), «Желтые стихи» (2007).

**Дацкевич Илья.** Родился в 1989 году. Окончил филологический факультет НГПУ им. Козьмы Минина. Лонг-лист «Литературрентген» в 2009-ом и 2011-ом. Публикации в журналах «Новая Реальность», «Знаки», «РЕЦ», "Ликбез", на сайтах "Молодая русская литература" и «Полутона». Живет в Нижнем Новгороде.

**Денисова Любовь.** Поэт. Родилась в 1986 году. По образованию – психолог. Живет в Тольятти. Публиковалась в сборниках «Между строк», альманахе «Графит».

**Зоря Татьяна.** Поэт. Живет в селе Рождествено Самарской Области.

**Коровкин Александр Владимирович.** Родился в 1985 году. Сознательно, осознанно и концептуально пишет с 18 лет, печатался в журналах «Слово» и «Глагол» (Димитровград). В 2011 году с Тоней ВЕТЕР из Архангельска выпустил книжку-сплит ЧУВСТВА, МЕТАФИЗИКА И ГРЯЗЬ; с художницей Анастасией Юдинских был интересный графическо-текстовый проект. Участвует в формировании панк\хардкор сцены Димитровграда.

**Кротова Мария** родилась в 1987 г. Окончила Российский государственный педагогический университет по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Работает в компании сотовой связи. Участвовала в фестивалях «Новый Транзит», «Глубина», «ЛитератуРРентген». Живёт в Екатеринбурге.

**Ладо Мирания.** Поэт, прозаик, издатель, музыкант. Родился в 1968 году. По образованию – филолог. Принимал участие в фестивалях верлибра. Входил в литературное объединение «Олимпийские игры». Автор нескольких книг самиздата. Специализируется в создании персонажей.

**Латыфич Константин.** Поэт, эссеист. Родился в 1966 году. Автор книг стихов «Человек в интерьере» (2007г.), «Равноденствие» (2012г). Многочисленные публикации. Живет в Самаре.

**Лобанов Вячеслав.** Поэт и прозаик. Родился в 1961 году. Окончил Тольяттинский политехнический институт. Автор книжки стихов и рассказов "Каникулы семидесятых". Публиковался в альманахе "Графит" и журнале "Город" (оба - Тольятти), журнале "ЛЕГЕНС" (Санкт-Петербург). Живёт в Тольятти.

**Малинина Кира.** Родилась в 1983 году. Закончила Тольяттинский государственный университет. Режиссер, драматург, писатель, участница многих фестивалей. Лауреат премии «Евразия-2009», входила в шорт-лист премии «Премьера.txt». Живет в Харькове.

**Перегудов Дмитрий.** Родился в 1987 году. Писатель, график, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

**Попович Владимир.** Поэт. Родился в 1988 году. В 2008 году окончил Бузулукский нефтяной колледж. Живет в Самаре.  
Майл: [porovich.hokku@mail.ru](mailto:porovich.hokku@mail.ru)

**Пулька Наталья.** Поэт. Родилась в 1973 году. Имеет высшее экономическое образование. Живёт и работает в Тольятти

**Ролдугина Софья.** Поэт и прозаик. Родилась в 1989 году. Автор романов в стиле фэнтези: «Ключ от всех дверей», М., Центрполиграф, 2011 и «Белая тетрадь», М., Эксмо, 2012. Живёт в Подольске.

**Сумин Сергей** родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликован в сборниках «Нестоличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга», «Город» и «Гипертекст». Около 20 интернет-публикаций. Активно занимается самиздатом. В 2012 году вышла книга «Слова и мёд». Живет в Тольятти.

**Трунёв Сергей.** Родился в 1973 году. Поэт, литератор, культуролог, педагог. Занимается философией культуры, критикой. Живет в Саратове.

**Тубольцев Юрий Анатольевич,** родился в 1976 году. Получил три высших образования (по специальностям «менеджмент», «психология», «культурология»). Публиковался в пятнадцати бумажных и в интернет-журналах, а также в различных литературных сборниках. Живет в Германии (г. Регенсбург).